

The background of the cover is a stylized illustration. It features a dark, silhouetted tree on the left with some pink blossoms. The sky is a deep blue with a bright, jagged white lightning bolt. In the center, there are large, angular, light blue structures that look like crystalline or geometric formations. A large, dark, mechanical creature with multiple limbs and glowing yellow eyes is positioned in the middle ground, appearing to be in a dynamic pose. The ground is a mix of dark, jagged shapes and a bright, glowing yellow and orange area at the bottom right. The overall style is a blend of sci-fi and fantasy elements with a high-contrast, painterly aesthetic.

СЕРГЕЙ СНЕГОВ ЛЮДИ КАК БОГИ

ВТОРЖЕНИЕ В ПЕРСЕЙ //

SERGEY SNEGOV
HUMANS AS GODS

Люди как боги

Сергей Снегов

**Люди как боги. Книга
2. Вторжение в Персей**

«СОЮЗ»

1968

Снегов С. А.

Люди как боги. Книга 2. Вторжение в Персей / С. А. Снегов — «СОЮЗ», 1968 — (Люди как боги)

Люди далекого будущего тянутся к звёздам. С помощью огромных космических кораблей они бороздят космос, исследуют чужие планеты и заводят дружбу с инопланетными цивилизациями. Однажды во время исследовательского полета капитан Эли встречает планету, вся цивилизация которой была уничтожена неизвестной инопланетной расой. Человечество потрясено жестокостью космического вторжения, поскольку пришельцы кажутся не только враждебно настроенными, но и технически превосходящими людей. Люди решают объявить войну инопланетянам, называющим себя Разрушителями. Флот звездных кораблей немедленно отправляется в далекий поход. Эли и его команде предстоит выдержать множество испытаний, заключить союз с Великим Разрушителем и узнать о значительно более могущественной, чем люди и Разрушители цивилизации рамиров.

© Снегов С. А., 1968

© СОЮЗ, 1968

Содержание

Часть первая	6
Часть вторая	35
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Сергей Снегов

Люди как боги. Книга вторая. Вторжение в Персей

*Вестник беззвучный восстал и войну многозвучную
будит.*

*С башенной брови, о Кирн, вспыхнул дозорный
костер...*

*Что же, мужайся! Взнуздать торопись
ветроветущих коней!*

Грудью о грудь на коне встретить хочу я врагов.

*Близится пыль их копыт. До ворот они быстро
доскачут,*

Если очей моих бог не обуял слепотой...

Феогнит из Мегары (VI век до н. э.)

© Т.С. Ленская
© Е.С. Ленский
© ИП Воробьев В.А.
© ООО ИД «СОЮЗ»

Часть первая

В звёздных теснинах

1

Всё повторилось – всё стало другим.

В прошлый раз я летел на Ору с чувством первооткрывателя. Звездный мир на полусферах стереоэкрана был первозданно ярким. Сейчас мы мчались проторенной дорогой, десятки кораблей впереди, десятки позади. Хорошо известные звезды неслись навстречу и гасли в отдалении – нового не было. Я торопился. Я больше не хотел быть звездным туристом. Воин величайшей армии, когда-либо собранной человечеством, – я опаздывал на призывной пункт!

– Не понимаю тебя, – сказала Мери, хмуря широкие брови. – Без тебя в Персей не уйдут – зачем нервничать? И неужели красота мира становится меньше, если ты уже любовался ею?

– Она перестает быть неожиданной, – пробормотал я, мрачно взирая на Альдебаран, который все увеличивался.

В Мери есть что-то общее с Верой, хотя внешне они не похожи. Та прямолинейная, сухая логика, что зовется женской, у них, во всяком случае, одинакова.

– Красота – это совершенство, то есть максимум того, что всегда ожидается и всегда желается. Желаемая ожиданная неожиданность – согласись, это нелепо, Эли.

– Согласись и ты, Вера... – начал я запальчиво и запнулся.

Мери засмеялась.

– Я видела твою сестру лишь на стереоэкранах. Но ты уже не первый раз называешь меня Верой. И ошибаешься, лишь когда не прав и собираешься оправдываться. Разве не так?

Я поцеловал Мери. Поцелуи, кажется, единственное, что не требует ни обоснований, ни оправданий. Мери все же пожаловалась:

– Я думала, ты будешь мне гидом на первой моей звездной дороге. Когда-то поездки молодоженов назывались свадебными путешествиями. У меня впечатление, что наше свадебное путешествие тебе наскучило.

Я стал вспоминать, что знаю о светилах, рассказал о полете в Плеяды и Персей.

– Звездная бездна со всех сторон, и мы в нее падаем, – сказал я с волнением. – Это нужно почувствовать, Мери: звездная бездна – и ты в нее все падаешь, падаешь, падаешь...

– Звездная бездна, и ты в нее падаешь, падаешь, – повторила Мери тихо. Она опустила голову, я не видел ее глаз.

2

На Оре нас встретило так много друзей, что я устал обниматься, хлопать по плечу и жать руки. Рядом с Верой стоял Ромеро – как обычно, изящный и холодно-подтянутый. Он ограничился тем, что крепко пожал мне руку.

А у Мери спросил с нескрываемой иронией:

– Вас можно поздравить, дорогая Мери? Насколько я понимаю, осуществились ваши заветные мечты?

Если раньше я опасался, что Мери влюблена в Ромеро, то сейчас мне показалось, что она его ненавидит – так раздраженно заблестели ее глаза.

– Вы угадали, Павел. Самые заветные из моих мечтаний!

Он почтительно развел руками, церемонно склонил голову, – так, наверное, в древности изображали поздравления.

– Что это значит? – Вера с недоумением переводила взгляд с меня на Мери и с Мери на Ромеро. – Случилось что-нибудь важное, брат?

– Для меня – важное! – Я взял Мери за руку. – Познакомься с моей женой, Вера.

Я всегда удивлялся тому, как быстро могут подружиться женщины.

У мужчин мгновенное взаимопонимание не развито: мы раньше обмениваемся приветствиями, долго присматриваемся и принимаемся, прежде чем начинаем соображать, чего нам друг от друга надо. Условности поведения у нас сильнее – мужчины и донныне жертвы этикета. Я бы на месте Веры часок потолковал с Мери, потом дружески взял ее под руку. Вера же просто шагнула к Мери, а та бросилась к ней в объятия.

– Наконец-то, Эли! – возгласила Вера, отпуская Мери. – И ты, кажется, сделал удачный выбор, брат.

– Не очень удачный! Справочная предрекла нам развод на третьем месяце брачной жизни. Правда, уже идет четвертый...

Вера увела Мери, а я поступил в безраздельное распоряжение приятелей. Пополневшая Ольга пожелала мне счастья, Леонид поздравил, Аллан похвастался, что никогда не изменит корпорации холостяков, а Лусин, глядя на меня с нежностью, словно я был выведенным в его институте крылатым человекобыком, вдруг промямлил:

– Хочешь – подарок? Дракон! Изумительный. Летай с Мери. Райское счастье.

– На огнедышащих драконах летать только в ад, а это я погожу, – сказал я.

Прилетевший Труб увеличил общую сумятицу. Я выбрался из его крылатых объятий основательно помятым. Прошло не меньше часа, прежде чем смех и выкрики сменились упорядоченным разговором.

– Вы не сердитесь на меня, Павел? – спросил я Ромеро. – Я имею в виду совет насчет Оры...

– Я благодарен вам, Эли, – сказал он без обычной напыщенности. – Я был слепым, должен это с прискорбием признать. Наше примирение с Верой было таким неожиданно быстрым...

Я не удержался от насмешки.

– Не верю в неожиданности, особенно счастливые. Хорошая неожиданность требует солидной подготовки. Этой, как вы помните, предшествовала наша ссора в лесу.

– Неожиданности у вас будут, – предрек он. – И очень скоро, любезный друг.

Вера с Мери подошли к нам. Вера сказала:

– Нам нужно наедине поговорить о походе в Персей. Может быть, сделаем это не откладывая?

Я не понял, почему о походе в Персей нужно беседовать наедине.

– Я должен быть гидом, Вера. Мери впервые на Оре.

– Тогда приходи после прогулки в мой номер.

Лусин объявил, что не успокоится, пока не продемонстрирует мне с Мери, какой зверинец он вывез с Земли. Мы не стали огорчать Лусина и пошли к его питомцам. Одних пегасов было не меньше сотни: черные, оранжевые, желтые, зеленые, красные с белыми искрами, белые с искрами красными – в общем, всех поэтических расцветок, воинственно ржушие, непрерывно взлетающие, непрерывно садящиеся...

Труб, скрестив крылья на груди, насмешливо и неприязненно следил за сутолокой.

– Неразумный народец, – проворчал он. – Не умеют ни читать, ни писать. Я уже не упоминаю о том, что не говорят по-человечески.

В первый год пребывания на Земле Труб справился с азбукой, а перед отлетом на Ору сдал экзамен за начальную школу, а там интегральное исчисление и ряды Нгоро. На Оре Труб

устроил для своих сородичей училища. У ангелов обнаружили недюжинные способности к технике. Особенно они увлекаются электрическими аппаратами.

– Это же только лошади, хотя и с крыльями, – сказал я.

– Тем непростительней их тупость.

Было забавно, что один из любимцев Лусина поносит других его любимцев. От ангела, однако, Лусин легко сносил то, чего не потерпел бы от человека.

– Расист, – сказал он и так ухмыльнулся, будто ангел не ругал, а превозносил пегасов. – Культ высших существ. Детская болезнь развития.

За конюшней пегасов мы увидели крылатого огнедышащего дракона. Он был такой огромный, что походил скорее на кита. Он лежал, пламенно-рыжий, в толстенной броне, из ноздрей клубился дым, а когда он выдыхал пламя, пронесился гул. Полуприкрыв тяжелыми веками зеленые глаза, крылатое чудовище надменно посматривало на нас. Казалось невероятным, что эта махина может парить в воздухе.

– У него корона! – воскликнула Мери.

– Разрядник! – с гордостью объяснил Лусин. – Испепеляет молниями. Хорош, а?

На голове дракона возвышалась корона – три золоченых рога. С рогов срывались искры, красноватое сияние озаряло ящера. На молнии, испепеляющие врага, искорки похожи не были.

– Проверь, – предложил Лусин. – Кинь камень. Или другое.

На прибранной Оре найти камушек непросто. Я метнул карманный нож. Дракон рывком повернул голову, глаза его остро блеснули, туловище хищно изогнулось, а молния, вырвавшаяся с короны, ударила в ножик, когда тот еще летел, – и ножик бурно вспыхнул, превращаясь в плазму. И тотчас вторая молния, только еще мощней, разрядилась прямо мне в грудь. Если бы жители Оры не защищались индивидуальными полями, все мы, безусловно, были бы ослеплены вспышкой, а сам я, так же безусловно, разлетелся бы плазменным облачком.

– Может сразу три молнии, – восторженно пояснил Лусин. – И по трем направлениям. Имя – Громовержец.

– Не хотел бы я схватиться с Громовержцем в воздухе, – сказал потрясенный ангел.

Дракон успокаивался – приподнявшееся тело опадало, над короной плясали синеватые огни Эльма, тяжелые веки прикрыли гаснущие зеленые глаза.

– Громовержец так Громовержец, – сказал я. – Существо эффектное. Но зачем нам в Персее громовержцы с пегасами?

– Пригодятся, Эли.

Я тогда и понятия не имел, как жестоко Лусин будет прав!

Мы с Мери вышли наружу, оставив Лусина с его созданиями и с Трубом. Был вечер, искусственное солнце погасло.

– Одни! – воскликнул я. – На Оре – и одни, Мери!

– До сих пор ты больше стремился к своим друзьям, чем к одиночеству со мной, – упрекнула Мери.

Я засмеялся. Нигде мне не бывает так хорошо, как на Оре!

– Ты, кажется, приревновала меня к Лусину и Трубу? Пойдем, я покажу тебе Ору.

Мы долго гуляли по проспектам планеты, заходили в опустевшие звездные гостиницы. Я рассказывал, как познакомился с альтаирцами, вегажителями, ангелами. Прошедшее нахлынуло на меня, призраки, как во плоти, двигались рядом. Я вспомнил и об Андре. Здесь он совершал великие открытия, а я зубоскалил, придирался к мелким ошибкам. Пока он жил среди нас, мы недооценивали его, я грешил этим больше других. Внезапно я увидел слезы в глазах Мери.

– Я чем-то тебя расстроил?

Она быстро взглянула на меня и почти враждебно спросила:

– Ты не замечаешь во мне перемен?

– Каких?

– Разных... Ты не находишь, что я подурнела?

Я смотрел на нее во все глаза. Никогда еще она не была так красива. Она отвернулась, когда я сказал об этом. Погасшее было солнце разгорелось в луну – по графику на Оре было полнолуние.

– Ты странный человек. Эли, – сказала она потом. – Почему, собственно, ты в меня влюбился?

– Это просто. Ты – Мери. Единственная и неповторимая.

– Каждый человек единствен и неповторим, двойников нет. По-настоящему ты любишь в мире только двоих. У тебя дрожит голос и блестят глаза, когда ты вспоминаешь о них.

– Ты говоришь об Андре?

– И о Фиоле!

– Не надо, Мери! – Я взял ее под руку. – Они очень мне близки, Андре и Фиола, правильно, я волнуюсь, когда говорю о них. Но если бы мы с тобой были в разлуке, как бы я волновался, вспоминая о тебе! Я вот сейчас подумал, что мы могли бы расстаться, и у меня задрожали коленки.

– Но голос у тебя не дрожит, – возразила она печально. – Ты говоришь о дрожи в коленках с улыбкой, Эли. Ладно, тебе пора к Вере. Отнесись серьезно к тому, что она сообщит.

– Ты знаешь, о чем она собирается говорить?

– Вера скажет об этом лучше, чем я.

– Везде загадки! Ромеро грозит неожиданностями, Вера может беседовать только наедине, ты тоже на что-то намекаешь. Сказала бы уж прямо!

– Вера скажет, – повторила Мери.

3

– Ты удивлен, что мы разговариваем наедине? – так начала Вера. – Дело в том, что речь пойдет о личностях. По решению Большого Совета я должна обсудить с тобой, кого назначим адмиралом нашего флота. Требований к нему больше, чем к командирам кораблей.

Я пожал плечами:

– Раньше я должен услышать, что это за требования.

– Во-первых, общечеловеческие – смелость, решительность, твердость, целеустремленность, быстрота соображения... Надеюсь, подробней не нужно? Во-вторых, специальные – умение командовать кораблем и людьми, хорошая ориентировка в галактических просторах, знание противника и его приемов борьбы. И, наконец, особенные – широкий ум, ощущение нового, а также живое, доброе, отзывчивое сердце, глубокое понимание наших исторических задач... Ибо этот человек, наш адмирал, будет верховным представителем человечества перед пока малознакомыми, но, несомненно, мощными галактическими цивилизациями.

Я расхохотался:

– Ты нарисовала образ не человека, а божества. Сусальный лик, а не лицо. К несчастью, люди не боги.

– Нужен лишь такой командир. Другому нельзя поручить верховное командование.

Мы стали перебирать кандидатуры. Ни Ольга, ни Леонид, ни Осима, ни Аллан не годились – это было ясно. Я упомянул Веру. Она отвела себя. Я сказал, что если бы Андре не был в плену, он подошел бы всех лучше. Вера отвела и его: она считала, что у Андре ум острый, но не широкий.

Эта игра в кандидатуры начала мне надоедать. Мне все равно, кто будет командовать. Пусть обратятся к Большой – бесстрастная машина даст точный ответ.

– Мы обращались к Большой.

– Что-то не слышал.

– Это держалось в секрете. Мы предложили машине проверить правильность кандидатуры, принятой единогласно Большим Советом. Машина подтвердила наш выбор.

Я был удивлен, и даже очень. Что-то, а решение Большого Совета могли от меня не скрывать, я тоже кое-что смыслю в делах Персея.

– Кто же этот удивительный человек, так совершенно наделенный прописными достоинствами, что вы единогласно прочите его в свои руководители?

Она сказала спокойно:

– Этот человек – ты, Эли.

Я был так ошеломлен, что даже не возмутился. Потом я стал доказывать, что их решение – вздор, ералаш, чепуха, ерунда, нелепость и недомыслие, она может выбирать любое из этих определений. Себя-то я знаю отлично. Ни с какой стороны я не вписываюсь в нарисованный ею силуэт идеального политика и удачливого военачальника.

– Ты, кажется, вообще отрицаешь у себя какие-либо достоинства?

– Кое-какие хорошие человеческие недостатки у меня есть.

– Не очень основательно, хотя и хлестко, Эли.

– Уж каков есть.

– Если ты будешь упорствовать, твое сопротивление вызовет недоумение и обиду. Зачем оскорблять поверивших в тебя?

Подавленный, я молчал. Как и в детстве, когда она меня распекала, а я не находил защиты от ее слов. Но радости не было. Я вспомнил, как меня возмутило спокойствие Ольги, когда ее назначили командующей эскадрой. Былая наивность основательно повыветрилась из меня – я не ликовал, а страшился огромной ответственности.

– И долго ты будешь молчать? – иронически спросила Вера.

– Рассмотрим еще разок другие кандидатуры.

– Большой Совет рассматривал их. Государственная машина придирчиво исследовала каждого человека на годность в командующие. Капитаны кораблей пришли в восторг, узнав о решении Большого Совета. Тебе мало этого?

Я понял, что выхода мне не оставили.

– Согласен, – сказал я.

Она хладнокровно кивнула головой. Иного она и не ждала.

– Теперь о других назначениях. У тебя будут два заместителя и три помощника. Заместитель по государственным делам – я, по астронавигации – Аллан Круз. Помощники, командующие тремя отдельными эскадрами, – Леонид, Осима и Ольга. Возражений нет?

– Нет, конечно.

Еще один пункт. Ты когда-то был моим секретарем, правда, не очень удачным. Теперь тебе самому нужно иметь секретаря. В секретари предлагают...

– Надеюсь, не тебя! – сказал я с испугом.

– Я твой заместитель, а это выше, чем секретарь.

– Извини, я не силен в рангах. Так кого прочат мне в секретари?

– Павла Ромеро. На него возложены также функции историографа похода. Но, если ты возражаешь, мы подберем другого.

Я задумался. Взаимоотношения с Павлом были слишком сложны, чтобы ответить простыми «да» или «нет». Я не знал другого человека, столь резко отличавшегося от меня. Но, может быть, несходство характеров – это как раз то, что требуется для удачной совместной работы?

Вера спокойно, слишком спокойно, ожидала моего решения. Я улыбнулся. Я видел ее насквозь.

– Разреши задать один личный вопрос, Вера?

– Если о моих отношениях с Ромеро, то они сюда не относятся. Действуй так, словно Ромеро мне незнаком.

– Павел, вероятно, будет лучшим секретарем, чем я командующим. Я принимаю его с охотой. Теперь можно задавать щекотливые вопросы? Я никогда не вмешивался в твою жизнь, Вера, но один раз позволил себе это. Должен ли я извиниться?

– Скорее я должна благодарить тебя за вмешательство!

Оставлять что-либо недосказанным мне не хотелось.

– Павел рассказывал тебе, при каких обстоятельствах произошла наша последняя встреча?

– Чуть не превратившаяся в драку? Я знаю обо всем: как он почти влюбился в Мери, и как ты встал на его дороге, и как Мери перед тем праздником в лесу призналась Павлу, что любит тебя – и любит давно, с какой-то вашей встречи в Каире. И если бы не опьянение, Павел поздравил бы тебя там же, у костра, а не полез в драку.

– Я этого не знал... В Каире Мери меня обругала, словно возненавидела с первого взгляда.

– А мне сегодня сказала, что у тебя было такое беспомощное лицо, когда она обозвала тебя грубияном, что у нее застучало сердце. Тебе повезло, Эли, и я хочу, чтоб ты знал: я очень люблю твою жену.

– Я тоже, Вера. Мы с тобой нечасто сходились во мнениях. Можно уйти?

– Теперь ты должен мне разрешать или не разрешать, – педантично напомнила она.

– В таком случае, я разрешаю себе уйти, а тебе разрешаю остаться.

4

Я и не представлял себе раньше, как трудно командовать. Если бы предстояло выбирать снова, я стал бы подчиненным, а не командующим. Я отвечал за все, а сведущ был лишь в ничтожной частице этого «всего». Но вскоре мне стало ясно: флот к походу не готов. Так мы и доложили Земле по сверхсветовым каналам: для подготовки требуется по крайней мере год.

Однажды Ромеро обратился ко мне с просьбой:

– Дорогой адмирал, – он и Осима теперь называли меня только так, Осима – серьезно, а Ромеро – не без иронии, – я хочу предложить вам внести в свой распорядок новый пункт: писать мемуары.

– Мемуары? Не понимаю, Павел. В древности что-то такое было – воспоминания, кажется... Но писать воспоминания в наше время?..

Ромеро разъяснил, что можно и не диктовать, а вспоминать мысленно, остальное сделает МУМ. Но фиксировать прожитое нужно – так поступали все исторические фигуры прошлого, а я теперь, несомненно, историческая фигура. Историограф похода, конечно, и без меня опишет все важные события. А мне надо рассказать о своей жизни. Она внезапно стала значительным историческим фактом, а кто ее лучше знает, чем я сам?

– А Охранительница на что? Обратитесь к ней – она такого насообщит, чего я и сам о себе не знаю.

– Верно! Вы и сами не знаете, что она хранит в своих ячейках. Нас же интересует, что вы сами считаете в себе важным, а что – пустяком. И еще одно. Охранительница – на Земле, а ваша внеземная жизнь, неизвестная ей, как раз всего интересней.

– Вы не секретарь, а диктатор, Павел. Отдаете ли вы себе отчет, что в мемуарах мне придется часто упоминать вас? И мои оценки не всегда будут лестными...

Ответ прозвучал двусмысленно:

– Человеку Ромеро они, возможно, покажутся неприятными, но историограф Ромеро ухватится за них с восторгом, ибо они важны для понимания вашего отношения к людям.

В этот же день я стал диктовать воспоминания. В детстве моем не было ничего интересного, я начал рассказ с первых известий о галактах. Случилось так, что в эту минуту мимо окна пролетал Лусин на Громовержце, и я вспомнил другого дракона, поскромнее, на нем Лусин тоже любил кататься... С тех пор прошло много лет. Я давно забыл те мемуары, ту первую книгу, как называет ее Ромеро. Я диктую сейчас вторую – наши мытарства в Персее.

Передо мной – кристалл с записью, рядом с ним та же запись – пять изданных по-старинному книг, пять толстых томов в тяжелых переплетах – официальный отчет Ромеро об экспедиции в Персей, там много говорится и обо мне, много больше, чем о любом другом. И, если я пожелаю, вся эта бездна слов зазвучит в моих ушах голосом Охранительницы, живыми образами засветится на экране.

Я хочу поспорить с Ромеро. Я не был тем властным, уверенным, бесстрашным руководителем, каким он меня изображает. Я страдал и радовался, впадал в панику и снова брал себя в руки, временами я казался самому себе жалким и потерянным, но я искал, я постоянно искал правильный путь в положениях почти безвыходных – так это было. Я продиктую книгу не о наших просчетах и конечной победе – такую книгу уже создал Ромеро, другой не надо. Нет, я хочу рассказать о муках моего сердца, о терзаниях моей души, о крови близких, мутившей мою голову... Нелегким он был, наш путь в Персее.

5

Доклад о том, что эскадры не готовы в дальний поход, вызвал на Земле тревогу. Веру и меня вызвали на Большой Совет. Я пошел к Мери, чтобы попросить сопровождать нас на Землю. Мы с Мери теперь не виделись неделями: я пропадал на кораблях, она нашла себе занятие в лабораториях Оры. Мне показалось, что она больна. На Оре, как и на Земле, болезни невозможны – но у Мери был такой грустный вид, глаза так блеснули, а припухшие губы были такими сухими, что я забеспокоился.

– Ах, со мной все в порядке, здорова за двоих, – сказала она нетерпеливо. – Когда улетае?

– Может, все-таки – улетаем? Зачем тебе оставаться?

– А зачем мне лететь на Землю? Тебе надо, ты и лети.

– Такая долгая разлука, Мери...

– А здесь не разлука? За месяц я видела тебя три раза. Если это не разлука, то радуюсь твоему удивительному чувству близости.

– На корабле мы будем все время вместе.

– Ты и там найдешь повод оставлять меня одну. Не уговаривай меня, Эли! Кстати, дам тебе поручение – список материалов для моей лаборатории. Привези, пожалуйста, все.

Сгоряча я ухватился за первую попавшуюся идею.

– На Вегу идет галактический курьер «Змееносец». Ты не хотела бы прогуляться туда? Экскурсия займет три месяца, и на Ору мы вернемся почти одновременно.

У Мери вспыхнули щеки, грозно изогнулись брови. В гневе она хорошела. При разговорах я иногда любовался ею, вместо того чтоб успокаивать, это еще больше сердило ее.

– Ты не мог бы сказать, Эли, что я потеряла на Веге?

– На Веге ты ничего не потеряла, но многое можешь найти.

– Под находкой ты, по-видимому, подразумеваешь Фиолу?

– Поскольку ты хотела стать ее подругой...

– Этого хотел ты, а не я. Вот уж никогда не собиралась выбирать в подруги змей, даже божественно прекрасных! И особенно – возлюбленную змею моего мужа!

Я сокрушенно покачал головой.

– Ах, какая пылкая ревность! Но как же быть мне? Надо распространять благородные человеческие порядки среди остальных звездоджителей, а моя собственная жена вся в тисках зловредных пережитков. Какими глазами мне теперь смотреть на галактов и разрушителей? Какие евангелия им проповедовать?

– Когда ты так ухмыляешься, мне хочется плакать, Эли!

– Тебе это не удастся! Через минуту ты будешь хохотать, вижу по твоим глазам.

Хохотать она не стала, но плохо начатый разговор закончился мирно. Мери проводила меня на «Волопас». В салоне Вера сказала:

– Мери хорошо выглядит. И здоровье у нее, кажется, крепкое?

– Здорова за двоих, так она сама сказала.

Вера внимательно посмотрела меня и промолчала.

Все дни в полете были заполнены совещаниями. Сотрудников у Веры добрая сотня, и все они – а в придачу и корабельная МУМ – разрабатывали вселенскую человеческую политику. На одном из их симпозиумов о природе галактического добра и зла я, почти обалдев, выпалил:

– Что толку копать в частностях? Мне бы встретиться с разрушителями, а там я соображу, как действовать.

– В тебе нет жилки политика, – упрекнула Вера.

– Сухожилия, а не жилки, Вера. Ибо ваши ученые речи так сухи, что мне хочется буйнить и ниспровергать добро.

С того дня я не ходил на совещания у Веры, а перед прибытием на Землю прочитал ее доклад Большому Совету – длинный список политических предписаний на все случаи похода. Все их можно было свести к нехитрой формуле: к разумным существам Вселенной относись по-человечески, по-человечески поддерживай добро, по-человечески борись со злом. Мне кажется, не стоило так много трудиться, чтобы в результате выработать такой бесспорный катехизис.

– Очень рада, что ты не нашел ничего нового в моем докладе, – заявила Вера.

– Что же тебя радует?

– А вот именно то, что наша галактическая политика тебе кажется бесспорной. Согласись, было бы печально, если бы руководитель величайшего похода человечества усомнился в его целях и задачах.

Какой-то резон в ее словах был. Во всяком случае, Большой Совет с энтузиазмом воспринял ее доклад «Принципы галактической политики человечества». После заседания члены Совета разъехались торопить отстающие космические заводы, а мы с Верой стали собираться на Ору. Я забежал к Ольге – она незадолго до нашего отлета на Землю улетела сюда рожать и теперь возилась с прехорошенькой дочкой Иринкой. Она возвращалась на Ору вслед за нами.

За четыре месяца разлуки Мери очень пополнила, порывистая ее походка превратилась в неуклюже осторожную.

Я сперва изумленно присвистнул, потом схватил Мери на руки.

– Осторожней! – сказала она. – В прогнозе беременности таскания на руках не предусмотрены.

– Отшлепать тебя, Мери! Хоть бы словечко... И Вера хороша: она-то, наверное, знала!

– Она знала, а ты должен был догадаться! – весело возразила Мери. – Я же сказала тебе, что здорова за двоих – простой человек, не адмирал, сообразил бы, в чем дело. А с Верой мы условились молчать: на Земле тебе хватало забот и без тревоги о моем состоянии.

Я засыпал Мери вопросами: кого она ждет, когда роды, как они пройдут. Мери умоляюще подняла руки. Давно я не видел ее такой довольной.

– Не все сразу, Эли! Через месяц ты получишь сына, придумывай имя. Скажи теперь, как с моими поручениями?

– Сто тяжелых ящиков! Старинные ядерные бомбы в музеях легче твоих грузов. Я чуть не надорвался, когда поднимал один.

Мери засмеялась:

– В ящиках тоже бомбы, только распространяют они жизнь, а не смерть.

– Жизнь, ты сказала?

– Да, жизнь. Что тебя удивляет? Наша женская судьба – порождать жизнь. Разрушение – древняя привилегия мужчин. Что – не так?

– Не надо меня агитировать, Мери. На матриархат я не соглашусь. Максимум моих уступок – равноправие. Тебе привет от еще одной распространительницы жизни. У Ольги дочь Иринка. Прогнозы сбылись блестяще, роды прошли хорошо.

– Рада за Ольгу. Но, кажется, состояние других женщин тебя интересовало больше, чем состояние жены?

– Другие женщины не так скрытны, тем более их мужья. Когда один командир эскадры срочно просится на Землю, а второй чуть не ежедневно прибегает на станцию сверхсветовой связи, командующий должен поинтересоваться, что с его помощниками. С ближайшим курьером и тебя отправим рожать на Землю, как велит традиция.

– Положим начало новой традиции – я буду рожать на Оре. Не делай огорченного лица, здесь мне будет не хуже, чем на Земле.

– Тогда назовем сына Астром, – сказал я торжественно. – Раз он будет первым человеком, рожденным на иных звездах, то и имя у него должно быть звездное.

6

МУМ пообещала, что роды будут нелегкими, и они были нелегкими. В эти дни я часто вспоминал Андре: он тревожился за Жанну, а я посмеивался, ибо знал, что новый человек появится на свет в предсказанный срок и все будет благополучно. Сейчас я тоже знал, что Астру гарантировано удачное рождение, но волновался не меньше Андре.

Он был, конечно, отличный паренек, наш Астр, пять килограммов мускулов и обаяния, он засмеялся, чуть раскрыв глаза, радостно задрогал ножками – ему показалось хорошо на свете!

– Он ударил меня ножкой в грудь, и, знаешь, было больно, – с восторгом утверждала Вера. – Скоро мы покажем его тебе, посмотришь, какого родил озорника.

– Он похож на тебя, Эли, – добавила Ольга. Она, прилетев, сразу пошла к Мери. – Он хохочет, как ты, у него твое умное лицо, а когда ему что-то не понравилось, он нахмурился не хуже тебя.

А потом посыпались послания с Земли, и первое от Альберта. Этот мальчишка поздравил нас с Мери по-своему. Он предложил Большой просчитать, какие космологические проблемы будут волновать нарождающееся поколение, и Большая выделила два вопроса: проникновение в загадочное ядро Галактики, скрытое от нас темными туманностями, и выпадение Гиад из нашего мироздания – теперь уже не подлежало сомнению, что их звезды рушатся в какую-то яму в космосе, разверзшуюся словно специально для них.

Астру надлежит первому из людей броситься в эту пропасть, пророчествовал Альберт, он первый исследует, вправду ли она бездонна.

Я не мистик и не ясновидец, я не мог догадаться в то время о судьбе, уготованной Астру, но хорошо помню, каким зловещим холодом повеяло на меня от астрологической шутки Альберта!

Мери, когда меня пустили к ней, выглядела такой веселой и красивой, словно вернулась с прогулки, а не выкабалась из болезни.

– Я знала, что Астр будет похож на тебя, – сказала она. – Уже на третьем месяце беременности у меня были его гороскопические фотографии, но тебе я не показала, я была тобой недовольна. Не оправдывайся. Лучше скажи, когда старт.

– Уже скоро. Ты хочешь присутствовать при нашем отлете или возвратишься на Землю раньше?

– Я хочу лететь с тобой!

– Чепуха, – сказал я великодушно. – Я знаю: у молодых матерей бывают странные причуды.

– О всех моих причудах ты даже не догадываешься! Придется тебе взять нас с Астром с собой.

Я попытался переубедить ее. Я привел в пример Ольгу. Ольга – известнейший галактический капитан, кому-кому, а ей нужно идти в экспедицию. А она попросилась в резервную третью эскадру, стартующую с Оры года через три, – так ей хочется побыть со своей Ириночкой подольше. О том же, чтобы тащить девочку в опасный поход, ни она, ни Леонид и не помышляют. Материнство, сказал я, – это древнейшая из человеческих профессий, все мы должны считаться со священными обязанностями матери – даже в наше время, когда детишкам в яслях куда удобнее, чем у подола родительницы.

– По-моему, я не хуже тебя знаю профессию матери, – возразила Мери, хмурясь. – Уговоры бесполезны, мы летим с тобой.

– Но почему? Объясни по-человечески: для чего тебе подвергать себя и Астра опасности?

На это она ответила так:

– Где ты, Кай, там и я, Кая.

Я не понял, почему она назвала меня Каем, а навести справку у МУМ как-то не удосужился.

– Ты, кажется, хочешь, чтобы я внес Астра в списки экипажа?

– Не иронизируй. Я хочу именно этого.

Я прошел к Астру. Малыш дрыгал ногами и пускал пузыри. Он невнятно проговорил: «Бы!» Он вовсе не спал, отрешенный от окружающего, как любят проделывать другие человечки его возраста, он отнюдь не был некой «вещью в себе», он уже жил, уже энергично барахтался в этом новом для него мире.

И когда я схватил его под мышки и поставил ножками на перину, он не сжал безвольно коленки, не повис беспомощно в воздухе, а энергично ударил пятками в одеяльце. Он отталкивался от постели, уминал ее ножками, бил меня в грудь, порывался идти. Он беззвучно хохотал, ловил пухлыми ручками воздух – нет, повторяю, он не покоился в этом мире, сонно набираясь сил, а действовал в нем, упругий, звонкий, всем своим существом радующийся тому, что существует.

– Астр, собирайся в поход! – сказал я, ликуя. – Надевай доспехи и собирайся в поход, маленький человек Астр!

И он сказал гораздо отчетливее и громче прежнего: «Бы!»

...У меня сжимается сердце, когда я вспоминаю тот день и все, что произошло потом. Даже случайные обстоятельства складывались так, что все они, как лучи, отраженные от вогнутого зеркала, собирались в одном зловещем фокусе, и в фокусе том была неизбежность.

7

Мы шли двумя эскадрами, по сто звездолетов в каждой.

Я поднял свою адмиральскую антенну на «Волопасе» – флагманском крейсере Осимы. Со мной были Вера и Лусин. На «Скорпионе», командирском корабле Леонида, разместился Аллан со своим штабом.

Сверхсветовые локации Альберта не обнаруживали перемен в звездных теснинах Персея. Земля, превращенная в величайшее ухо и глаз Вселенной, напрасно всматривалась и вслушивалась в два звездных кулака, столкнувшихся в гигантском космическом ударе, – из Персея не доносилось новых звуков, в нем не вспыхивало новых картин.

Лишь одно загадочное явление произошло незадолго до старта, но в тот момент мы не придали ему значения.

Альберт сообщил, что внезапно пропала одна из звезд скопления Хи, светило с единственной планетой, населенной разрушителями, – «зловредное» светило, по нашей терминологии.

– Взяло и пропало, было и не стало, – докладывал Альберт по СВП. – А звездочка неплохая – гигант класса К, абсолютная светимость около минус пяти – в десять тысяч раз ярче Солнца! И внезапно – нету. Не тускнела, не гасла – просто исчезла из этого мира за считанные секунды. Провалилась как в люк – иначе не скажешь.

– Может, аннигиляция? – Меня встревожило сообщение Альберта. Если разрушители овладели искусством превращения вещества в пространство, то главное наше военное преимущество перед ними было утрачено. – Вы не проверили, не расширяется ли скопление?

– Вы плохо относитесь ко мне, Эли, если думаете, что я немедленно не исследовал именно это – не появились ли каверны новых пустот? Никакого дополнительного пространства в Персее нет! Говорю вам: звезда просто пропала – и все.

– Наблюдения велись при помощи СВП?

– В оптике эта звездочка – мы ее назвали Оранжевой – будет мирно светить еще по крайней мере пять тысяч лет. Она исчезла в сверхсветовой области.

Станции волн пространства и на звездолетах, и на Оре были слишком слабы, чтобы зафиксировать пропажу и появление Оранжевой, зато мы хорошо рассмотрели ее в оптике. Звезда была эффектна: ярко-оранжевая, она затмевала своих соседок мятежным сиянием. Я и раньше замечал, что разрушители выбирают для жизни именно такие звезды-гиганты поздних спектральных классов.

– Родная сестра Угрожающей, – сказал я Осиме. Прошлые наши сражения еще были свежи в памяти.

Через три дня Альберт передал, что Оранжевая появилась на прежнем месте и светит так же мощно и мирно.

История с пропажей звезды занимала нас недолго и никого не встревожила. Сейчас ясно, что мы были очень поверхностны в суждениях. Никто не знает своего будущего. Не знал его и я. Нельзя требовать от человека больше того, что ему свойственно.

Я не буду описывать движения к звездным скоплениям Персея, – об этом рассказал Ромеро. Упомяну лишь, что каждый из кораблей был быстроходней «Пожирателя пространства», но флот в целом двигался медленнее, чем одинокий галактический разведчик. Мы понимали, что такая армада не может подобраться незамеченной к крепостям разрушителей, – поэтому нужно было принять меры, чтобы нас не застали врасплох в пути.

Астру пошел шестой год, когда перед нами – на все звездное небо – раскинулись гигантские скопления Персея.

8

Мы подошли к поясу космической пустоты, разделявшей оба скопления: ближнее Аш и дальнее Хи. Расстояние между ними – около сотни парсеков – пустяк по масштабам Галактики, но весьма существенно для наших кораблей. Некоторые капитаны настаивали на обследовании ближнего – Аш, но я повернул на Хи, где мы однажды уже побывали: там нас поджидали не только готовые к встрече враги, но и несомненные друзья.

Каждая эскадра двигалась самостоятельно – тараном в восемь слоев. В эскадре Осимы острием был «Волопас», за ним шел «Гончий пес», вокруг которого по кольцу располагались двенадцать звездолетов. Этот слой из тринадцати кораблей (один в центре и двенадцать по окружности), повторялся семь раз с одним изменением – диаметр кольца от слоя к слою увеличивался.

Колоссальный конус из ста пяти звездолетов штурмовал тенёта неевклидовости, в которых чуть не запутался когда-то «Пожиратель пространства».

А на отдалении в несколько световых недель точно такой же отряд под командованием Аллана и Леонида прокладывал собственный туннель в неевклидовости.

Первые депеши Аллана говорили, что все идет хорошо.

Я хорошо помню день, когда уверенность в легкой победе рухнула. В тот вечер мы сидели вчетвером в командирском зале – Осима, Вера, Ромеро и я. Эскадра неслась на желто-красное светило с одной планетой. Это была Оранжевая – звезда, внезапно исчезнувшая перед нашим выступлением с Оры и потом так же внезапно появившаяся. Альберт назвал ее мирной. Мне она мирной не показалась: ее исступленное сияние тревожило, а не успокаивало.

Это, конечно, были эмоции, а не расчеты, тем более – не факты, но о фактах рассказал Ромеро, я же описываю свои ощущения, и тут ничего не поделаешь: Оранжевая меня беспокоила...

– Пока, кажется, все удачно? – прервала молчание Вера.

Ей ответил Ромеро. В те первые дни он выглядел оптимистом.

– Думаю, разрушителям на этот раз не удадутся нехитрые приемы, которыми они чуть не запутали Ольгу с Леонидом.

– И меня, – коротко напомнил Осима.

– И вас, уважаемый капитан Осима. Я хорошо помню, что вы были в числе трех командиров, сломя голову бежавших из Персея. И очень рад, что именно вы командуете победоносным возвращением.

Я смотрел на Оранжевую. Волны пространства, сканировавшие странную звезду, преобразовались в приборе в обычный оптический спектр – я видел ее не той, какой она была месяцы и годы назад, а сиюминутной, нынешней. И я ждал от нее неожиданностей, как ни странно это звучит: ждал неожиданностей, – вспышек, гигантских протуберанцев, бешено разлетающихся туманностей. Если бы она на моих глазах превратилась в сверхновую, я бы тоже не удивился.

– Почему ты так впился глазами в Оранжевую, Эли? – поинтересовалась Вера.

– Что-то должно произойти, – ответил я. – Это ведь не просто светило, а звездное оружие... Как бы оно не грянуло в нас ошеломляющим залпом разрушительных частиц и испепеляющих полей.

– Пусть попробует, адмирал, – отозвался Осима. – Наши средства защиты от частиц и полей вполне надежны.

И, словно накаренные мною, вскоре начались неожиданности – но не те, каких мы ожидали. Оранжевая не вспыхнула, исполинский взрыв не превратил ее в сверхновую – она стала тускнеть, просто тускнеть. И в этом угасании было что-то нехорошее.

– Сообщение от Аллана! – сказал Ромеро. – Кажется, рапорт о полной победе!

Но это был рапорт о полной неудаче. Впоследствии я получал много таких сообщений и сам отправлял на Землю такие же – и понемногу мы к ним привыкли. Но в тот день слова депеши звучали похоронными колоколами. Попытка ворваться в глубь скопления не удалась. Когда-то «Пожирателя пространства» не выпускали оттуда, сейчас нас туда не впустили.

И хотя теперь в звездную ограду врубались больше ста сверхмощных кораблей, а некогда в лабиринте Хи метался лишь один неосторожный галактический разведчик, дела это не меняло.

Так же стремительно, как Леонид ударил тараном в звездные стены противника, эскадру выворачивало назад: последние группы звездолетов еще штурмовали окраинные звезды скопления, а острие – флагманский корабль «Скорпион» уже вылетел наружу, в свободный от светил космос. Проходы в скопление Хи были закрыты.

– Вчера отсюда не было выхода, сегодня сюда нет входа, – невесело сформулировал я.

– Но мы пока двигаемся вперед, адмирал! – воскликнул Осима. – И что не удалось эсЛеониду, может удастся мне!

Оранжевая все больше тускнела. Я уже понимал, что это как-то связано с искривлением пространства. Скоро, очень скоро и мы вслед за Алланом должны были, как шар под гору, покатиться наружу по предписанной кривой.

МУМ вскоре информировала о нарастающей кривизне пространства. Нас выбрасывало наружу.

– Разрушители действуют по шаблону, – заметил Ромеро. – Не сопротивляясь нашему движению, спокойно меняют его направление. Вы не собираетесь поискать новых вариантов, дорогой адмирал?

– Уже ищу...

– Ну, и?..

– Если они воспроизводят удавшийся им прием, то почему и нам не повторить удар Ольги по планетке? Аннигилируем подходящий объект на окраине скопления и ворвемся через созданную нами пустоту.

Осима передал командование автоматам. На полусферах засветились карты скопления Хи. Оно не было компактным. Здесь имелись и одинокие звезды с планетками, и темные космические шатуны, уныло странствующие на окраинах.

Нужно было подобрать объект так, чтоб искривляющие механизмы разрушителей не успели ввести новосотворенную пустоту в свои пространственные поля. В том районе, куда подошли обе эскадры, имелись несколько одиноких звезд с десятком планет и примерно столько же галактических шатунов с массой покрупней планетной, но значительно меньше звездной. Каждый из них мог быть использован для прорыва.

– Атака в лоб не удалась. И не удастся, сколько бы мы ее ни повторяли, – подвел я итоги обсуждения. Я говорил так резко для упрямого Осимы. – Но если прямые пути перекрыты, можно пойти в обход.

9

Я прошел в лабораторию к Мери. Она занималась выводением простейших жизненных форм для разных условий – всевозможных видов питательной среды, гравитации, температур и давления.

В колбах плескалось что-то мутное.

– Неинтересно, правда? – Мери засмеялась.

– Неинтересно. Жиденькая грязца.

– А если я скажу, что одной капли этой грязи, пролей ее случайно из колбы, достаточно, чтобы уничтожить весь наш звездолет, – тоже неинтересно?

Я посмотрел колбу на свет. Это, несомненно, была колония бактерий. Но о бактериях, уничтожающих корабли, я еще не слышал. Я попросил разъяснить, как могли попасть на звездолет такие опасные препараты.

– Они занесены в списки корабельного имущества в соответствии с требованиями закона, – успокоила меня Мери.

– Но они грозят разрушениями. Руководителю экспедиции полагается знать, для каких целей на корабле появляются предметы, таящие в себе гибель.

– Разве мало у нас потенциально опасных предметов? В сравнении с аннигиляторами, уничтожающими планеты, мои микробы – стоя ос рядом с тигром.

Из объяснений Мери я понял, что недавно были синтезированы удивительные тельца – микроскопические атомные заводы. При достаточном притоке энергии извне, а иногда и за счет энергии самого процесса, они перестраивают ядра атомов, входящих в состав их пищи.

– Вот эти крохотульки питаются железом, – сказала Мери, любуясь колбой. – И после их работы железа уже нет, а есть кислород и водород, кремний и углерод... Если мы где-нибудь натолкнемся на планету из чистого железа, я заражу ее этими бактериями, и через несколько тысячелетий на безжизненном металле появится разрыхленный слой, вполне пригодный для растений.

Я успокоился.

– Можешь возиться со своими крохотными страшилами, звездолету они не опасны. Железо для постройки кораблей давно не применяется.

Мери лукаво посмотрела на меня.

– У меня еще десятка два похожих на эту колб, и в каждой точно такая же грязь... Но она разъедает уже не железо, а другие элементы.

К нашей беседе прислушивался Астр. Куда Мери ни идет, он бежит за ней.

Сейчас он сидел на полу и возился с игрушечным драконом.

– Папа, почини гравитатор, – попросил Астр. – Я уже два раза плюхался на пол.

У дракона были плохо подогнаны гравитационные контакты – обычная беда этих игрушек. Я почистил щеточкой излучатели, и Астр стал носиться по лаборатории, то взлетая под потолок, то гремя крыльями у моего уха.

– И тебе не страшно, что он разобьется? – упрекнула меня Мери. – Я обрадовалась, когда этот противный ящер отказал. Хотя бы день прошел без царапин и синяков.

– Мальчик без царапин и синяков немного стоит, – отозвался я, искоса наблюдая, не нужно ли спешить Астру на помощь.

– Если маме не нравится мой зверь, я попрошу Лусина покатаь меня на Громовержце! – крикнул с потолка Астр.

Он уцепился руками за плафон, а коленями удерживал рвавшегося вперед дракона. Если бы игрушка проскользнула между ног, Астру оставалось бы только падать. Я прикрикнул на него. Он спустился на пол.

Мери вскоре догадалась, что меня что-то гнетет.

– Есть кое-что новое, – сказал я. – Дороги внутрь скопления закрыты основательно. Будем применять метод, которым Ольга воспользовалась при бегстве из Персея.

Я говорил тихо, но у Астры был отличный слух.

– Вы хотите аннигилировать звезды?

Дальше секретничать не имело смысла.

– Ну уж – звезды! Ограничимся планетоподобными шатунами. Зрелище будет красочное, тебе понравится, Астр.

Он гордо объявил:

– Я видел на стереоэкране, как ты с капитаном Ольгой Трондайк аннигилировал зловредную Золотую планету. Отличный был удар, такого до вас никто не наносил!

– Нам тоже досталось, сын. Но ты прав – аннигиляция удалась, выход пустого пространства был максимальным.

Мери и раньше без одобрения прислушивалась к нашим разговорам с Астром, а сейчас что-то вывело ее из себя.

– Иди к себе, Астр, – сказала она резко.

Когда Мери говорила таким тоном, спорить с ней не следовало. Астр покорно ушел.

– Сейчас мне за что-то достанется, – сказал я, посмеиваясь.

Ты не знаешь меры в своем обожании сына! – с негодованием воскликнула Мери. – Как ты с ним разговариваешь?

– Нормально. Как с тобой или Ромеро.

– Именно. Но мы с Павлом взрослые люди, а он ребенок.

– Сюсюкать, как древние няньки?

– Не сюсюкать, нет! Но и не объясняться с малышом, словно перед тобой Ньютон или Эйнштейн.

– С Ньютоном или Эйнштейном я бы не объяснялся, как с Астром, – парировал я хладнокровно. – Они бы не поняли меня. Эти люди были научными великанами, но многое знали хуже Астра. Наш шестилетний малыш куда образованней Ньютона или Эйнштейна!

Раздражение Мери перешло в смех. Такое с ней часто бывало.

– Я устала от твоих парадоксов! – объявила она.

– Где здесь парадоксы? Все тривиально. Ньютон был гениален, но ничего не знал об электричестве. Астра же окружают электрические машины, он бредит стереоэкранами, передачами, сигналами, электричество его согревает и освещает, он способен сам привести в движение и остановить механизмы. Ньютон отшатнулся бы в ужасе, если бы перед ним оказалось какое-нибудь электронное страшилище, на котором раскатывает наш Астр! Теперь поговорим об Эйнштейне.

– Эли, довольно! Тебя не переспорить.

– Нет уж, поговорим! Эйнштейн разрабатывал современную теорию гравитации, но что он знал о переходе отрицательной энергии полей тяготения в положительную энергию отталкивающих полей? А ведь это та операция, которую Астр совершает простым поворотом рычага! Постой, я не закончил. Скажи по-честному: сумел бы великий Эйнштейн одним нажатием кнопки взлететь в воздух и мотаться где-то под потолком? Сумел бы он рухнуть с высоты, не повредив ни единой косточки? А наш малыш проделывает это запросто! Не говори мне после этого, что с Астром нельзя говорить серьезно!

10

Проклятые разрушители были умнее, чем нам того хотелось.

Ни к окраинным звездам, ни к планетоподобным шатунам прохода не было. Мы нацеливались на них, но пролетали мимо. Неевклидова сеть сперва прогибалась, потом, пружиня, выбрасывала нас обратно.

Гигантское скопление, мощно пылавшее прожекторами звезд, было по ту сторону досягаемости.

Альберт с Земли насчитал шесть светил, подобных Оранжевой, наша старая знакомая Угрожающая тоже принадлежала к этой грозной группе звездных крепостей. Каждая защищала свой участок, а все вместе они были расположены так умело, что закрывали скопление как стеной.

Если бы я диктовал роман в манере моих предков, у меня нашлось бы много захватывающе интересного материала.

Одного описания погонь за одинокими небесными телами, пропадавшими в ту секунду, как мы направляли на них аннигиляторы, хватило бы на авантюрную повесть. А наши разочарования, которыми неизменно заканчивались кратковременные надежды на успех! А тающие запасы активного вещества, сжигаемого без норм и меры!

И, быть может, самое непонятное и тяжелое: ни одна из неактивных звезд, населенных галактами, не откликнулась на наши призывы, ни одна не пообещала и не оказала помощи! Если на подходе к Персею мы как-то улавливали их передачи, то сейчас их не было, никаких передач от галактов не было!

Прошло три года по земному счету, как мы подошли к теснинам Персея, а мы все толкались у звездной околицы. И тогда у меня возник проект, так по-разному потом оцененный историками. Я не хочу ни хвалить, ни обвинять себя. Недавно я слышал лекцию, передававшуюся по системе Звездного Содружества, в ней с моего предложения датируется поворот во взаимоотношениях звездных народов.

Трудно не усмехнуться. Потомки иногда презрительно отвергают твои достижения и увлеченно возвеличивают твои провалы: издалека твоё время видится иным, чем оно было для тебя.

Так вот, я утверждаю, что большей катастрофы, чем та, что обрушилась на нас в результате моего плана, нельзя было и придумать. А если итог вышел иной, чем рассчитывали разрушители, то это была не их вина и не моя заслуга. Ибо в нашу взаимную отчаянную борьбу непредвиденно вмешалась третья сила.

Буду рассказывать по порядку.

На «Волопас» прибыли Аллан, Леонид и другие командиры – вести межкорабельный совет на пространственных волнах я не решился.

Вкратце мое предложение сводилось к следующему. Обе эскадры соединенной армадой атакуют неевклидовость неподалеку от Оранжевой. Отразить удар такой силы разрушители смогут, лишь форсировав защитные механизмы звезды. А в это время три корабля во главе с «Волопасом» ударяют с другой стороны, где в момент атаки основных сил флота защита, несомненно, будет ослаблена. Они врываются внутрь, а по открытому ими пути туда же устремляется флот.

Я ожидал возражений – и возражения посыпались. Аллан сказал:

– Резервная эскадра Ольги наконец заполнила трюмы активным веществом. Не лучше ли подождать подхода Ольги?

– Третья эскадра добавит мощи, но МУМ не дает гарантии, что этой добавки хватит, – возразил я. – Разрушителей надо взять не силой, а обманом. Обмануть их можно и без крейсеров Ольги. Риск поражения, конечно, есть. Всякая война – риск. Я не требую немедленного согласия – подумайте, посоветуйтесь с экипажами.

Пока командиры совещались, я поговорил с Леонидом и Алланом. Леонид был мрачен, Аллан весел. Он был идеальным руководителем для экспедиций, попадающих в беду. Я сказал им:

– Командовать кораблями, идущими на прорыв, буду я. Руководство объединенным флотом примет Аллан. Не вешай носа, Леонид. У нас с тобой бывали положения и похуже.

У Леонида раздраженно побелели синие белки глаз.

– Хуже, чем сегодня, – да. Но я не уверен, что через неделю «Волопас» не запутается в треклятой неевклидовой улитке. Риск неизвестности – самый страшный риск. Как бы наш обман не натолкнулся на встречный.

– А есть другой риск, кроме риска неизвестности? Пусть тогда Павел разъяснит нам философскую природу понятия «риск».

Ромеро припомнил смешную историю. Когда древние греки поднялись на таких же древних персов, божественный оракул на просьбу дать прогноз войны вдохновенно изрек: «Большое царство будет разрушено», – не уточнив, однако, какое царство: греческое или персидское.

Ловкий ответ оракула привел Аллана в восторг.

– Не возражаю, чтоб и нам дали такой же результативный прогноз. Царство будет разрушено – значит, никаких ничьих. А наше дело – чтобы разрушалось царство врага, а не свое!

Я пошел к Вере, у нее сидела Мери.

– Тебе придется разлучиться с Павлом, – обратился я к сестре. – Операция «Волопаса» – военный маневр, незачем рисковать судьбой политического руководителя экспедиции. Павел будет со мной, а ты переберешься к Аллану.

– Если надо, значит – надо, – ответила она.

– Ты и Астр полетите с Верой, – сказал я Мери. Мери наотрез отказалась.

– Ладно, оставайся на «Волопасе», – сдался я. – Но зачем брать малыша? Поручим Астра заботам Веры. Если с ним что-либо случится, мы же себе этого не простим, Мери!

Когда Мери что-нибудь задевало, она становилась невероятно упрямой. Мне нужно было отложить этот разговор. Потом, остыв, она решила бы по-иному. Это был мой просчет – я стремился сразу поставить точку над «i», а надо было маневрировать.

– Что может случиться с ним – из того, что не случилось бы с нами? – опять, как перед отлетом с Оры, спросила она. – Я жена твоя, он твой сын – мы разделим твою судьбу, какой бы она ни была.

Я больше не спорил.

Со всех кораблей сообщали: «да». Ни один экипаж не постановил «нет», ни один не воздержался. Санкция на обманный маневр была единогласной.

11

«Волопас» сопровождали «Гончий пес» и «Возничий». Мы ждали известий от Аллана, что атака всем флотом начата. Аллан сообщил, что и новая попытка прорваться развивается неудачно. Неевклидова улитка один за другим выворачивала назад все звездолеты.

– Пора! – сказал я, и три корабля ринулись вперед.

Мы сидели втроем – Осима, Ромеро и я. Осима командовал, мы с Ромеро наблюдали. На оси полета сверкала Оранжевая, в множителе был виден и шарик ее планеты. Если там обитали враги, они должны были принять какие-то защитные меры, пусть неэффективные, но немедленные. Мы летели, все убыстряя ход, противодействия не было – ничто не показывало, что нас обнаружили. Три звездолета врывались в скопление, как в открытые ворота.

– Слишком хорошо, чтобы было хорошо, – прервал молчание Ромеро. – Оранжевая как бы распаивает нам объятия. Если бы у меня была хоть капля суеверия наших добрых предков, я бы сказал, что она коварно улыбается.

Мы продолжали лететь в ненарушенном пространстве.

– Среди прочих вариантов мы рассматривали и тот, что разрушители будут нас заманивать, – сказал Осима. – Не кажется ли вам, адмирал, что осуществляется именно этот вариант?

Аллан передал, что Оранжевая действует очень энергично. Только на направлении прорыва не было признаков активности – похоже, нас действительно заманивали. Но я не мог в это поверить. Нужно было обладать мощью, несравненно превосходящей нашу, смелостью, граничащей с безрассудством, чтоб без спокойно пропустить в скопление три звездолета – после того, что наделал у них один «Пожиратель пространства».

– Разрушители захвачены врасплох, – сказал я Осиме.

Мы пронеслись мимо окраинных одиноких звезд. Уже не только впереди, но и по бокам густо засверкали светила. Мы наконец были внутри Персея.

Корабли Леонида рванулись в район прорыва. Они приближались, количество их умножалось, а в пространство по-прежнему оставалось невозмущенным.

– Кажется, разрушители растерялись и упускают последний шанс на действенное сопротивление, – оценил положение Ромеро, и мы с ним согласились: я – с торжеством, Осима – с удивлением.

Усталый, я задремал в кресле и увидел бредовый сон – первый из серии удивительных снов, так часто посещавших меня впоследствии.

Я был в огромном круглом зале, на темном куполе сияли звезды – но то был экран, а не небо, и я хорошо знал, что вижу проекцию, а не сами светила. Я бежал вдоль стены – круг за кругом, радиусы этих кругов уменьшались, меня по спирали выносило в центр зала. Я туда

не хотел – там между полом и потолком реял полупрозрачный шар, я почему-то боялся этого шара, а меня неотвратно толкало к нему. Я с тоской вглядывался в потолок, чтобы только не смотреть на страшный шар, а на потолке, среди ярких естественных звезд, беспокойно сновали звезды еще ярче, искусственные, – я знал, что это не звезды, а наши эскадры. Аллан упрямо штурмовал скопление, а его так же упрямо вышвыривало назад...

– Кажется, во сне я попал в наблюдательную рубку разрушителей, – проснувшись, сообщил я Ромеро и Осиме. – Павел, вам, историографу экспедиции, надо бы заинтересоваться дурацкими видениями, которые временами появляются в мозгу.

– Действительность фантастичней бреда, адмирал, – мрачно отозвался Осима. – Послушайте депешу Аллана.

Корабли Леонида, следовавшие по проложенному нами пути, натолкнулись на неевклидову метрику и возвратились обратно. Ворота, пропустившие три звездолета, захлопнулись для остальных.

– Посмотрите теперь на экран, дорогой друг, – сказал Ромеро.

У меня сжалось сердце. Несколько минут назад, во сне, я видел примерно такую же картину: множество подвижных светил среди неподвижных. Но тогда эти подвижные огни были нашими собственными кораблями, здесь же нас по всем осям окружали крейсеры врага

– Около двухсот кораблей против трех, – сказал Осима. – Боятся они нас основательно, адмирал!

– И мы докажем им еще раз, что нас надо бояться. Приготовьте корабли к бою, Осима. Мы понеслись навстречу эскадрам противника.

12

– Скудная история, – проговорил Ромеро, зевнув. Прошло уже несколько дней с момента, когда мы ринулись на противника, а столкновения все не происходило. Преследуемые корабли разрушителей бросались наутек, зато нас настигали те, от кого мы в это время удалялись. Когда же мы поворачивали на них, удирали и они, а недавние беглецы превращались в преследователей. Тактика была проста: нас не выпускали, но сражения не завязывали.

– Хоть бы одна неактивная звезда отозвалась! Неужели в скоплении не осталось ни одной системы, населенной галактами?

Ромеро промолчал, но я понял, о чем он думает: мы явились сюда не как туристы, мы освобождали родственные народы, попавшие в беду. Они могли бы отозваться! Разница между тем, что происходило во время полета «Пожирателя пространства», и тем, что случилось сейчас, была тягостной.

Тогда неактивные звезды, не умевшие менять метрики, отчаянно зывали к нам, предупреждали об опасностях, восхищались нашим успехом.

А враги с энергией подавляли их передачи – межзвездные просторы были полны сигналов и шумов, волны боролись с волнами. Сейчас пространство было мертво. Мы вслепую пробивались к друзьям, а друзья не хотели даже сообщить, где их искать.

– За сферой вражеских звездолетов виден темный шатун, – сказал Осима. – Если оседлаем его, получим свободу действий.

– Созовите командиров кораблей, – сказал я. Осима приказал кораблям выброситься в Эйнштейново пространство. Вскоре «Возничий» и «Гончий пес» появились в оптике. Мы остановили сверхсветовой бег, в отдалении замерли крейсеры разрушителей.

К «Волопасу» понеслись планетолеты. «Возничий» командовал Камагин, второго капитана, Артура Петри, я знал меньше. Аллан говорил, что после Спыхальского Петри налетал больше всех в Галактике.

– Нужны неожиданные решения, – сказал я на совещании командиров. – Вам не меньше моего надоело бесцельное мотание вокруг Оранжевой.

– У меня возражение против нового плана, – объявил Камагин, когда я закончил сообщение. – Наших запасов активного вещества недостаточно, чтобы настичь и разметать неприятельский флот. И выйти к какой-нибудь дружественной звезде мы не сумеем, ибо попросту не знаем, где ее искать. Но захватить шатун надо.

– А для чего он нам тогда?

– Чтобы бежать к своим, – холодно сказал Камагин.

– Вы отказываетесь развить успех удачного вторжения? – неприязненно спросил Осима. Он был настроен воинственной всех.

Камагин живо повернулся к Осиме.

– Я отказываюсь считать вторжение удачным. Оно похоже скорее на провал, чем на успех. В чем был смысл плана? В том, что вначале прорываются три звездолета, а за ними весь флот. А что получилось реально? Флот отброшен назад, а мы мечемся, как затравленные зверьки, в этой звездной крысоловке. Пора, пора убежать! Именно поэтому я голосую за захват шатуна.

Пока Осима спорил с Камагиным, я молча рассматривал маленького капитана. И то, о чем я думал, имело мало отношения к теме дискуссии. Я размышлял о Камагине и восхищался им. Характер и ум иной эпохи, он вписался в наше время, словно родился в нем. Он часто подчеркивал, вежливо и холодно, что не ему нас учить: он пять веков отстал от нынешнего человека – и хладнокровно учил. Он чертовски быстро, за несколько лет, преодолел разделявшие нас столетия. В старинных журналах писали, что он человек выдающегося ума и воли, один из крупных деятелей своей эпохи. Среди нас, опередивших его на полтысячелетия, он был человеком не менее выдающимся.

Это не значит, конечно, что я был готов принять любое его предложение, но я прислушивался к ним, это я признаю.

Ромеро обратился ко мне:

– О чем так напряженно думает наш уважаемый командующий?

Я ответил в тон:

– Ваш уважаемый командующий согласен с капитаном Камагиным. У нас мало сил, чтобы хозяйничать в скоплении. Вторжение не удалось, пора возвращаться.

Ромеро пишет, что приказ о бегстве был в общем стиле моих приказов – неожиданных, круто поворачивающих ход событий.

13

Я и не думал конечно, что разрушители легко отдадут неприкаянную планетку. Она мчалась среди их кораблей как привязанная. В отчете Ромеро вы найдете описание нашего обманного маневра. Там подробно рассказано, как три звездолета, мчавшиеся до того компактной группой, вдруг ринулись в разные стороны, смяли стройные ряды вражеских крейсеров, а когда вновь пошли на сближение, между ними, по осям их движения, оказались добрый десяток кораблей противника вместе с темным шатуном, и деться им было некуда.

Зрелище панического бегства врага было красочно. Корабли разрушителей мчались кто куда, лишь бы поскорее удрать. Ни Осима, ни Петри не преследовали беглецов, но Камагин отомстил за нападение на звездолет «Менделеев» в Плеядах. Один из крейсеров попал в прицельный конус «Возничего», и Камагин не медлил ни секунды.

Зажженное им солнце пылало недолго, но, не сомневаюсь, зловещий блеск нового светила нагнал еще больше страха в души наших противников. А затем три звездолета повисли над темной планеткой. Это был типичный шатун – каменистый шарик, раза в три побольше

Земли, без атмосферы, без воды, без каких-либо признаков жизни. Его не жалко было уничтожать – и мы его спокойно уничтожили.

Планета таяла, источая пространство, как пар, она газила пространством, по удачному выражению Ромеро. Все происходило, как было задумано. Мы стали независимы от нарушений метрики, создаваемых врагами. Возмущения метрики – это перемена структуры уже существующего пространства, а тут оно еще было в акте творения, его еще предстояло ввести в ту или иную структуру.

И оно росло, расширялось, мы мчались в этом непрерывно генерируемом защитном пространстве, как в беспрестанно возобновляемой скорлупке, – какой бы ад ни кипел снаружи, какие бы мощные поля метрики ни формировали создаваемую нами пустоту, до нас эти внешние бури не доходили.

Я сказал: все происходило, как было задумано. Теперь добавлю – кроме одного. Выбраться не удалось.

Колыбелька автономного пространства была не больше чем колыбелькой. Мы лишь немного расширили объем скопления Хи, в одной его части появилась крохотная опухоль, а надо было взорвать исполинскую сферу, замкнувшуюся вокруг Оранжевой, теперь мы хорошо это знаем. Люди крепки задним умом, ничего не поделаешь.

День за днем мы удалялись от Оранжевой, слой пространства, закрученного в неевклидову улитку, становился все тоньше, мы уже видели корабли Аллана по ту сторону неевклидова забора – еще один-два хороших удара, еще одно отчаянное напряжение генераторов – и мы вырвемся на свободу, так мы тогда думали.

И когда стали таять последние мегатонны планетного вещества, я отдал приказ готовить к уничтожению «Возничего» и «Гончего пса».

– Лучше пожертвовать двумя звездолетами, чем успехом кампании! – оборвал я запро-
тестовавшего Осиму. – Прикажите капитанам эвакуировать на «Волопас» свои экипажи. Пусть
корабельные машины просчитают, каковы наши шансы.

Все три МУМ подтвердили, что дополнительного вещества хватит на разрыв последнего
слоя неевклидовости. Мы еще не знали, что сверхмудрые МУМ тоже способны ошибаться...

14

Планетолеты перебрасывали с обреченных звездолетов людей и аппаратуру. Командиры
совещались в салоне, а я сидел с Мери и Астром. Древние капитаны, отказывавшиеся брать в
походы свои семьи, были мудрыми людьми, сейчас я понимал это особенно ясно.

Астр все свободное время проводил в обсервационном зале. Когда мы встречались, он
давал мне пылкие советы – они были не хуже моих собственных решений. Пусть меня не пой-
мут превратно: я не хочу сказать, что мой сын был гениален, нет, напротив, все мы, участники
экспедиции, были средними людьми, о чем сейчас стали забывать, изображая нас чуть ли не
титанами, – дорасти до нашего уровня было несложно.

– Ты напрасно взрываешь два звездолета, отец, – убеждал меня Астр. – Так себя ослаб-
лять... Три корабля или один!

– Три корабля больше, чем один, но у нас нет другого выхода.

– Есть! Захватите корабли врага. Пусть они, а не мы, увеличивают собой мировое про-
странство.

Я любовался им. Стройный и сильный, он уже доставал головой мне до уха – веселый и
живой, сообразительный мальчишка. И просто удивительно, как он походил на меня. Я иногда
раскладываю на столе фотографии – его и свои в том же возрасте, и сам затрудняюсь сказать,
где он и где я. Отличие лишь в том, что он меня красивее.

– Корабли противника не дают приблизиться к себе, – сказал я со вздохом. – Погуляй, сын, нам с мамой нужно поговорить.

– Не скрывай ничего! – потребовала Мери, когда Астр убежал. – Дело идет к гибели, да?

– Кризис, Мери. После кризиса или спасаются, или погибают. Паниковать не следует, но быть ко всему готовым – надо.

Она обняла меня, прижалась ко мне.

– А если что случится... Ты не простишь, что я взяла Астру?

– Астр такой же человек, как и мы. И если придется умирать, он умрет не раньше нас с тобою.

Она оттолкнула меня. У нее опять изменилось настроение, я предчувствовал бурю. Но она сдержалась.

– Удивительный вы народ, мужчины, – сказала она только. – Для вас все – повод для хлесткой формулировки. Умрет не раньше нас с тобою – это так утешительно, Эли!

– Если я скажу по-другому, ты мне не поверишь...

– Скажи – может, и поверю!

– Тоскуешь по неправде? Жаждешь обмана?

– Какие напыщенные слова – тоскуешь, жаждешь! Ничего я не жажду, ни о чем не тоскую. Я боюсь, можешь ты это понять?

Я не стал продолжать этого разговора и пошел на совещание командиров.

На улице внутри корабельного городка ко мне подошел Ромеро.

– Дорогой Эли, не завидуете ли вы нашим предкам, воевавшим без семей? – спросил он.

– Может быть, – ответил я сдержанно. Ромеро продолжал со странной для него настойчивостью:

– Я хотел бы поспорить с вами, любезный адмирал. Мы иногда говорим о предках общими формулами, а не конкретно. Им часто приходилось сражаться, защищая своих детей и жен, и они тогда дрались не хуже, а лучше – яростно и самозабвенно, жестоко и до конца, Эли!

Я посмотрел на него. Вера была в эскадре Леонида. И детей у Ромеро не было, он не мог говорить о своих детях.

Он шагал рядом со мной, подчеркнуто собранный, жесткий, до краев наполненный ледяной страстью, он с чем-то яростно боролся во мне, а не просто разговаривал. Таким я видел его лишь однажды – когда он пытался завязать драку из-за Мери.

Я сухо сказал:

– К сожалению, должен ответить вам общей формулой. Мы будем сражаться яростно и самозабвенно, жестоко и до конца, Павел. Но не за своих детей и жен, даже не за одно человечество – за всех разумных существ, нуждающихся в нашей помощи.

Я был уверен, что он обидится на такую бесцеремонную отповедь, но он вдруг успокоился. Если и был среди моих друзей непостижимый человек, то его звали Ромеро.

Звездные полусферы в салоне пылали так, что глазам становилось больно. Красные, голубые, фиолетовые гиганты заходились в неистовом сиянии, а среди этих небесных огней сверкали искусственные, их было больше двухсот – зловещие зеленые точки, пылающие узлы сплетенной для нас паутины. Оранжевая была в неделях светового пути, она казалась горошиной среди точек. Я хмуро любовался ею.

– Начинаем! – сказал я.

– Начинаем! – отозвались Осима и Петри. Маленький космонавт молчал. Я уловил его скорбный взгляд: он смотрел на два звездолета, неподвижно висевшие в черной пустоте неподалеку от «Волопаса». Я до спазма в сердце понимал боль Камагина – она была иной, чем у его товарищей.

Этот человек, наш предок, наш современник и друг, командовал фантастически совершенным кораблем – в самых несбыточных своих мечтах он и представить такого не мог. Мы

были, в конце концов, в свое время, а он перешел границы, определенные обыкновенному человеку. И сейчас он собственным приказом должен был уничтожить изумительное творение, которое ему вручили.

Наши взгляды встретились. Камагин опустил голову.

– Начинаем, – сказал и он. Голос его был нетверд.

Теперь медлил я. Оставалось отдать последнее распоряжение: «Приступайте к аннигиляции!» Я не мог подвести черту так просто, двумя невыразительными словами. И не потому, что внезапно засомневался. Другого решения не было: только уничтожение двух кораблей еще могло спасти нас. Я бы солгал, если бы сказал, что в тот момент меня тревожила собственная наша судьба: мы свободным решением избрали этот рискованный путь, неудачи, даже катастрофы, были на нем возможностями не менее реальными, чем успех. Я думал о том, что будет после того, как нас, запертых по эту сторону скопления, не станет. Ответственность за судьбы находившихся вне Персея звездолетов с меня никто не снимал – хоть формально, но я еще командовал флотом.

– Насколько я понимаю, вы собираетесь объявить миру ваше завещание? – уточнил Ромеро, когда я рассказал, о чем думал. – Не рановато ли, адмирал?

– Завещание – рановато. Но подвести итог нашим блужданиям в Персее – самое время.

Мысль моя сводилась к следующему. Вражеский флот не подпускал нас к одинокой планетке и, удирая, утаскивал ее с собой. Почему они так страховались? Вероятно, боялись, что вещества планеты хватит на разрыв кривизны. Опыт врага нужно использовать для победы над ним. Стратегию вторжения пора менять.

– Я кое-что набросал, послушайте, – сказал Ромеро.

Я привожу здесь текст отправленной нами депеши – в варианте Ромеро ничего не пришлось менять.

«Человечеству.

Вере Гамазиной, Аллану Крузу, Леониду Мраве, Ольге Трондайк.

Адмирал Большого Галактического флота Эли Гамазин.

Вторжение трех звездолетов в скопление Хи Персея, возможно, окончится неудачей. Два корабля будут уничтожены нами самими, судьба третьего со всеми экипажами еще неясна. Вы должны считаться с тем, что нам, возможно, не удастся вырваться на свободу. Рассматривайте это сообщение как мой последний приказ по флоту.

Прямое вторжение в Персей отменяю как недостижимое. В скопление надо проникать не тараном, а исподволь – разрушать, а не пробивать неевклидовость. Попытки захвата одиноких звезд и планет на периферии скопления, в зоне меняющейся метрики, успехом пока не завершились и вряд ли завершатся. Советую овладеть одинокими космическими телами вдали от скопления, где искривляющие механизмы не действуют, и постепенно их подтягивать, не выпуская из сферы влияния звездолетов.

Лишь сконцентрировав достаточно крупную массу таких опорных тел у неевклидова барьера, переходите к следующему этапу – аннигиляции. При такой подготовке, время которой, возможно, исчисляется многими земными десятилетиями, можно рассчитывать, что откроются космические ворота, неподконтрольные противнику.

Подтвердите получение».

Сверхсветовые волны трижды уносили наше послание из звездных бездн Персея в мировой космос. Мы не сомневались, что разрушители перехватят нашу передачу, но не считали нужным таиться, даже если бы могли сохранить секрет: новая стратегия держалась не на скрытности, а на могуществе.

Третья передача еще не кончилась, когда мы приняли ответ Аллана: «Приказ адмирала получен. Всей душой с вами. С волнением ожидаем результатов прорыва».

– Можно взрывать звездолеты, – сказал я.

15

План уничтожения звездолетов был итогом холодной работы ума, а не плодом вольного желания. Мы сделали чувству только одну уступку— не было никаких внешних эффектов: ни шаров испепеляющего пламени, ни снопов убийственной радиации, ни газовых туманностей, ни потоков элементарных частиц...

Звездолеты, почти невидимые, просто таяли, истекая пространством, сперва один, потом другой, — и в этом темном новосотворенном «ничто» мощно неся «Волопас», снова превращая его в «ничто» — шлейф горячей, быстро остывающей пыли тянулся за ним, как за кометой.

Чтобы скорее привести Камагина в себя, я приказал первым аннигилировать «Возничего»: в нервах Петри я был уверен больше.

В командирском зале распоряжался один Осима, наблюдательный был забит эвакуированными с гибнущих звездолетов. В салоне сидели Ромеро, Петри и Камагин. Здесь обзор был хуже, чем в обоих залах, но я пришел сюда, чтоб в эту трудную минуту не расставаться с капитанами. Я сел рядом с Камагиным и тронул его за локоть. Он повернул ко мне насупленное лицо.

— Как идет разрыв неевклидовости? — спросил я. Он холодно ответил:

— В три раза слабее, чем нужно для успеха.

Ромеро показал на экран:

— Флотилия врага закатывается в невидимость.

Я закрыл глаза. Мысленно я видел картину совершающегося яснее, чем физически. Гигантская буря бушевала снаружи, особая буря — таких еще не знали ни под нашими родными звездами, ни даже здесь, во враждебном Персее.

Вещество уничтожается и тут же заново создается, гигантские объемы нарождающегося аморфного пространства — мы сейчас неистово несемся в нем — мгновенно приобретают структуру, губительную для нас метрику, а мы все снова и снова оттесняем эту организованную пустоту своей неорганизованной, хаотичной, первобытно аморфной... Корабли врага исчезли, даже сверхсветовые локаторы их не улавливали — так жестко было скручено пространство, в котором они двигались...

— Идите в командирский зал, Эли, — посоветовал Ромеро.

В последнее время он почти не называл меня по имени.

Вместе со мной поднялся Камагин.

В коридоре он остановил меня. Он пошатывался. Пожалуй, это было единственное, в чем он не мог сравниться с людьми нашей эпохи: чувства, одолевавшие его, проявлялись слишком бурно. Он заговорил хрипло, быстро, страстно:

— Адмирал, я не хочу оспаривать ваши решения. Нас в далекие наши времена приучали к дисциплине, вам непонятной...

Я прервал его, чтобы не дать разыгаться истерике:

— Вы исполнительный командир, я знаю. И претензий с этой стороны у меня к вам нет.

Он продолжал еще громче:

— Я больше не могу, адмирал, вы обязаны меня понять... «Возничий» уничтожен, очень хорошо, но «Гончий пес» еще существует, он еще может сражаться. Неужели вы не видите сами, что жертва напрасна? Нам не уйти из скопления, но мы ослабляем себя, мы сами ослабляем себя, пойми же, Эли!

Я взял его под руку, и мы вместе вошли в командирский зал.

— Поймите и вы меня. Три звездолета или один, итог — гибель. А здесь хоть и сомнительный, но шанс. Неужели вы не хотите испробовать все отпущенные нам возможности?

— Сейчас я хочу лишь одного: подороже продать наши жизни!

Мы уселись рядом с молчаливым Осимой, я слышал в темноте, как тяжело дышит Камагин. На экране, отчетливый, распадался последний осколок «Возничего». Я всматривался в тающий звездолет. Последний шанс, думал я, последний шанс! У меня путались мысли.

Голос Осимы резко разорвал тишину:

– «Возничий» прикончен начисто, адмирал! МУМ сообщает, что преодолено не больше четверти пути. Ваше решение – продолжаем аннигиляцию?

Пока он говорил, я очнулся. Среди растерянности, постепенно становившейся всеобщей, я был обязан сохранять спокойствие духа.

– Да, конечно, теперь очередь «Гончего пса». Не понимаю вашего вопроса, Осима!

Осима справлялся со своими чувствами лучше Камагина.

– МУМ рекомендует ускорить аннигиляцию второго звездолета. Последуем ее расчету?

– Расчеты МУМ не безошибочны, но иных у нас нет.

На этот раз вспышки избежать не удалось: багровый шар забесновался на месте взорванного звездолета, и мы устремились в центр взрыва. Впоследствии, когда мы наконец вернулись из Персея, на стереозэкранах мира часто показывали аннигиляцию темного шатуна, постепенный распад «Возничего», быстрое уничтожение «Гончего пса». Каждый мог увидеть все, что видели тогда наши глаза, – пожалуй, даже с большими подробностями, ведь мы не могли взглянуть на это зрелище повторно.

Но сомневаюсь, чтобы кому-нибудь удалось хотя бы отдаленно испытать чувство, с каким мы смотрели на тающее плазменное облачко – это был не просто гибнущий крейсер, а гибнущая последняя надежда, единственный оставшийся нам шанс на свободу.

– Все, адмирал! – сказал Осима. – Прорвать барьер не удалось.

Мы долго молчали, сидя в командирских креслах: командовать было нечем и незачем. На экране, замутненном взрывом «Гончего пса», постепенно высветлялось пространство. Сперва блеснула Оранжевая, затем появились другие звезды, потом засверкали зеленые огоньки неприятельского флота.

– Противник идет на сближение, – сообщил Осима. – Ваше распоряжение, адмирал?

– Готовиться к бою, – сказал я и вышел из зала.

16

За дверью я остановился, в изнеможении прислонился к стене.

У входа в командирский зал люди не прогуливались, здесь можно было побыть одному. Я боялся лишь встречи с Ромеро и Петри: с ними надо было обсуждать положение, а я не был способен на это. Не мог я оставаться и с Осимой и Камагиным: я весь сжимался при взгляде на страдальческое лицо и враждебные глаза маленького космонавта. А мысль, что попадетсЯ Астри или Мери, приводила меня в ужас – такая встреча была всего невыносимей. Я не мог быть ни с кем, перенапряжение последних дней сломало меня.

– Нет, нет, нет! – бормотал я лихорадочно. Я не знал, к кому обращаюсь, я словно отстранился этими словами от неслышанных упреков, от невысказанных обвинений. – Нет, нет, нет! – повторял я все громче и, когда не выговорил, а выкрикнул последнее «нет», вдруг очнулся. Я вытер со лба пот и быстро отошел от двери: мне почудились шаги выходящего Камагина. «Нет!» – сказал я себе, и это «нет» было осмысленным: я приказал себе не торопиться. Никто не должен видеть, что я бегу.

Я шел по извилистым коридорам, передо мной бесшумно раздвигались двери: все охраняемые механизмы здесь были настроены на мое индивидуальное поле, я еще был адмиралом Большого Галактического флота – для адмиралов на их кораблях не существует секретов. Адмирал! Ты еще адмирал, Эли! Я снова прислонился плечом к стене, перед глазами прыгали

глумливые огоньки, издевательски подмигивала Оранжевая, наливались зловещим блеском пятна вражеских крейсеров.

«Ты еще адмирал, Эли! – сказал я себе с гневом. – Борьба не кончена, нет!» Я дышал часто и глубоко, мне не хватало воздуха. Надо было успокоиться, пока меня никто не увидел.

Я прошел в помещение МУМ, там никого не могло быть, лишь я один имел право войти сюда без разрешения командира корабля. Свет зажегся, едва я ступил на порог, посреди комнаты стояло кресло. Я сел в него, закрыл глаза. Я задыхался.

– Надо успокоиться! – сказал я вслух. – Слышишь, надо успокоиться.

Я повторял это до тех пор, пока не сумел взять себя в руки.

Передо мной на столике с ножками, в которые были вмонтированы тысячи проводов к датчикам и анализаторам, возвышался ящик, за полированными стенками его были собраны редчайшей чистоты кристаллы, уникальные химические образования, в равной степени творчества мастеров и трофеи космонавтов-геологов. Я вспоминал зеленый камень с Меркурия, красовавшийся на платье Веры: он достался ей лишь потому, что его забраковали создатели этой машины, нашей корабельной МУМ, одной из многих сотен однотипных машин, рассеянных по планетам, смонтированных на галактических судах, тот удивительно красивый, самосветящийся камень был недостаточно хорош для МУМ, он годился лишь на украшения, а не на вычисления, мог стать элементом брошки, но не уголком всепонимающего мозга.

– Ты, сверхмудрая и безошибочная! – сказал я горько. – Ты, рассчитывающая миллиарды комбинаций в секунду, может, поделишься со мной итогом одной комбинации, что реально совершается снаружи: двести кораблей против одного?

«Поражение! – засветился в моем мозгу холодный ответ МУМ. Через секунду она уточнила: – Гибель “Волопаса” после гибели многих атакующих судов врага».

Я зло усмехнулся. Я ненавидел черствую машину.

– Подороже продадим наши жизни, как это называется на языке Камагина. А если без категорий купли и продажи? Согласись, всезнающая, та эпоха, когда всё продавалось и покупалось, в том числе и человеческие жизни, давно завершилась.

«Вы воюете, а война древнее торговли. Раз явление древнее, термины, описывающие его, тоже не новы».

– Значит иного выхода нет?

«Нет. Гибель.»

– И твоя, стало быть, гибель, всепонимающая?

«Моя – в первую очередь. Если я попаду в руки врага, человечеству будет нанесен больший урон, чем в случае, если им достанется живым кто-либо из вас или все вы разом. Для гарантии успеха вы должны демонтировать меня, не дожидаясь общей гибели».

– Дура ты! – сказал я. – Надменное и тупое вещество, имитирующее живой разум! Гарантия успеха... Ты будешь, конечно, демонтирована, это я тебе обещаю!

Я быстро вышел из помещения МУМ и прошел в отделение аннигиляторов Танева. Я блуждал по узким коридорам, пролезал в щели, поднимался на лесенки, задерживался на площадках – всюду вспыхивал свет, когда я приближался. И всюду были машины, гигантские, огромней городских домов, механизмы, сотни, может быть, тысячи автономных машин, при всей своей величине не более чем крохотные элементы созидательного и разрушительного начала галактического корабля.

Я дотрагивался до них, прислонялся к ним, любовался ими, печалился о них.

Может быть, только в мечтах о божественном всемогуществе человек мог создавать когда-то нечто подобное, умеющее творить вещество из «ничего» и превращать его снова в «ничто». Но это создание было продуктом фантастически разыгравшегося воображения, фантомом, химерой, сном разума, а здесь меня окружало материальное воплощение этой человеческой мечты – реальные механизмы творения и уничтожения. И теперь я сам должен был

их уничтожить, чтоб они не достались врагу. И это было много тяжелее, чем решиться на собственное уничтожение.

«Сентиментальный дурак! – сказал я себе с отвращением. – Ты, не колеблясь, приказал взорвать точно такие же механизмы вместе с “Возничим” и “Гончим псом”. И сурово осуждал сомнения Камагина, а теперь сам раскис! Погибнешь только ты и твой корабль – человечество останется. Риск, на который ты согласился, не вышел из границ расчета, наша гибель была одним из вариантов – разве не так?»

Из отделения аннигиляторов я завернул в общежитие ангелов. У них шли занятия: ангелы обучались человеческому языку и наукам. Мое появление прервало урок, ангелы шумно сгрудились вокруг. Обрадованный Труб сжал меня крыльями.

Я извинился, что внес беспорядок, и увел Труба.

– Наши дела плохи, друг мой, – сказал я.

– Хуже, чем были в Плеядах, когда напали злореды? – спросил он. События тех дней были для него эталоном отличного поведения.

– Много хуже. Речь идет о наших жизнях – и прогноз МУМ отрицательный.

– Ты хочешь сказать, что мы погибнем?

– Именно это.

Он слушал, грозно хмурясь. Он уже не был тем первобытным наивным храбрецом, каким когда-то явился к нам. И он уже не считал реально существующим только то, что видели его глаза и до чего он мог дотянуться когтями – он знал теперь, что невидимое временами страшнее предметного.

Он громко всхлипнул и утер глаза.

– Тебе не хочется умирать, Труб? – Это был глупый вопрос, но ничего умнее не пришло мне в голову.

– Не то, Эли. Я был уверен, что мы высадимся на злоредной планете и совершим там революцию.

– Революцию, Труб?

– Разве я неправильно произнес это слово? Мы изучаем человеческую историю, – объявил он с гордостью. – И нам нравится, что люди, когда становилось невтерпех, совершали революцию. Хорошо бы сделать революцию у злоредов, освободив всех, кого они угнетают. Теперь этим мечтам – конец.

– История на нас не заканчивается. Нам не удалось – удастся другим людям и их друзьям.

От ангелов я пошел к Лусину. Для его конюшен был отведен поселок на окраине городка. Лусин обучал Громовержца приемам воздушного боя. На дракона налетал отряд пегасов, крылатый ящер отбивался от воинственных лошадей. Меня удивило, что он не мечет молний, но Лусин объяснил, что разряд даже малой интенсивности заживо сшибает самого дюжего пегаса.

– Как снаружи? – спросил он. – Нас преследуют? Опасно? Очень? Нет?

Я и ему все рассказал. Лусин с отчаянием посмотрел на своих драконов и пегасов.

– Все погибнут? Эли, скажи – все?

– Неужели ты надеялся, что кто-то из твоих тварей уцелеет в таком катаклизме?

– Не говори так, не твари. Разумные. Жалко до смерти.

И сейчас он думал не о себе, а о своих синтезированных чудовищах – три четверти его помыслов сводились к заботе о них. Умом я понимал такое отношение, но чувство мое протестовало. Что-то от прежнего Ромеро, боровшегося против помощи звездожителям и превозносившего человека, сохранялось, видимо, и во мне.

Лусин с мольбой тронул меня за плечо:

– Сохранить, Эли! Нас много. Громовержец – один. Уникальный. Пегасы – тоже редкие. Высадить на планете. Пусть размножаются. Пойми, Эли! А?

– Ты произнес большую и горячую речь, впервые слышу от тебя такую, Лусин, – сказал я. – Если бы можно было где-нибудь посадить пегасов, я и Астра к ним добавил бы, пусть уж и он спасется. Надежды нет, Лусин!

Я ушел, не дожидаясь, какую еще нелепость он сморозит. Я вдруг успокоился. Отчаяние, терзавшее меня перед МУМ, пропало, словно я передал его Трубу и Лусину. Я понимал уже, чего хочу, и знал, что отстоять свой новый план перед помощниками и экипажами трех звездолетов легко не удастся, и был готов страстно всех переубеждать и делать это быстро: нам было отпущено совсем мало времени.

В командирском зале Осима встретил меня словами:

– Наконец-то вы появились, адмирал. Командующий вражеским флотом обратился с наглым посланием.

17

Прежде чем ознакомиться с депешей разрушителей, я посмотрел на стереозэкран. Зеленые огоньки собирались в кучки, пылали раздражающе ярко. Что-то произошло: корабли противника пренебрегли дистанцией безопасности, недавно так строго ими соблюдаемой.

«Почему они перестали нас бояться?» – подумал я и повторил это вслух.

– Оставшийся звездолет ровно в три раза слабее, чем три прежних, – отозвался Камагин хмуро. – И враги соответственно чувствуют себя по крайней мере в три раза храбрее.

Арифметического соответствия тут быть не могло, но я не хотел спорить.

– Доложите послание противника, – приказал я МУМ.

Она громко заговорила:

«Галактическому кораблю, вторгшемуся в наше звездное скопление. Попытка выбраться наружу вам не удалась. Подвергнуть распаду какой-нибудь из наших кораблей вы не сможете. Вы обречены на гибель. Предлагаем капитуляцию. Гарантируем жизнь. Орлан, разрушитель Первой Имперской категории».

Я обвел глазами помощников. Ромеро отвернулся, Петри угрюмо глядел на вражеские корабли, Осима спокойно ждал приказа, чтобы тут же, не оспаривая, энергично его исполнить. Зато Камагин с вызовом глядел прямо на меня. Я знал, что он скажет.

– Ваше решение, адмирал! – потребовал Осима.

– Хочу сначала выслушать вас. Начинайте вы, Павел.

Ромеро часто хвалился своей мужской доблестью и в драках держался отлично, но стратегическим мышлением одарен не был. Современный бой на сверхсветовых скоростях с применением аннигиляторов был ему противен: в нем побеждал математический расчет, а не личная храбрость. Рыцарское представление о сражениях прозвучало в его ответе:

– Ждать нападения, а затем обороняться, пока хватит сил.

– Петри?

– Сражаться, не отвечая на послание.

– Камагин?

Напасть! Посмотрите, Эли, они все приближаются, будто мы уже обессилели, скоро, очень скоро они попадут в конус удара аннигиляторов. Если вы разрешите мне занять одно из командирских кресел, я выброшу на тот свет треть неприятельского флота, прежде чем они откроют дорогу туда нам самим.

– Ясно. Вы, Осима?

– Атаковать, потом погибнуть, – повторил он мысль Камагина. Вглядевшись в меня, он поинтересовался: – У вас другое решение, адмирал?

– Да, другое, – сказал я. – Мое предложение – капитулировать.

Все четверо разом вскрикнули. Громче других прозвучал возмущенный выкрик Камагина:

– Сдаться в плен?

Я ответил не Камагину, а всем:

– Да, сдаться в плен! Именно это я и хочу предложить.

Они с возмущением глядели на меня. Первым успокоился Осима:

– Адмирал, уточните. Речь не только о наших жизнях. Придется сдать в сохранности звездолет – боевые аннигиляторы, МУМ.

– Сдать – да. Но не в сохранности, Осима. МУМ должна быть уничтожена, схемы аннигиляторов демонтированы. Это я поручу Камагину и вам, Осима. Враг может любоваться видом наших механизмов, но не должен разобраться в их действии.

Камагин не выдержал. Сомневаюсь, чтобы его поведение соответствовало даже современным мягким правилам, не говоря уже о дисциплине древней, приверженностью к которой он гордился.

Он вскочил и гневно закричал:

– Безумец! Вы думаете, неприятель не выбьет из пленных объяснения работы механизмов?

Вежливостью ответа я подчеркнул, что не принимаю такого тона:

– Знание всех схем аннигиляторов не является достоянием отдельных людей. Им обладает лишь все человечество в целом. Но человечество сегодня в плен не сдается, только экипажи трех звездолетов.

Теперь я знал, что время эмоций прошло, они будут не кричать на меня, а задавать осмысленные вопросы. «Половина дела сделана», – сказал я себе с облегчением.

После нового молчания заговорил Ромеро:

– Я вижу, у вас все продумано, проницательный Эли. Не откажитесь сообщить, зачем вам потребовалось сдавать нас в плен вместе со звездолетом? Неужели жизнь в плену приемлемей почетной смерти?

Его вопрос воспламенил угасшего было Камагина.

– И пусть адмирал ответит еще на один вопрос! Не влияет ли на него то обстоятельство, что на борту звездолета находится семья адмирала?

Именно этого вопроса я и ждал.

– Да, влияет. Если бы на борту звездолета не было моей семьи, я принял бы решение о капитуляции значительно раньше и без тех колебаний, которые меня одолевали.

– Вы сказали – решение? – спокойно поинтересовался Петри. – Разве это уже решение, а не свободная пока дискуссия?

– Выслушайте меня, – попросил я. – Только об одном прошу – выслушайте, а там решайте, прав я или не прав. И пусть вместе с вами слушают через МУМ все на «Волопасе».

Я заговорил с волнением, я убеждал не только слушателей, но и себя, многое во мне самом протестовало против позорного плена.

Если говорить лишь о нас, сказал я, то честная гибель в неравном бою лучше рабского существования у разрушителей.

Но мы не имеем права думать лишь о себе. Мы – первые представители человечества, попавшие в логово разрушителей, мы должны быть достойны самих себя. Умереть всякий может. Жить в тяжких условиях – подвиг. Я забочусь не о наших жизнях, даже не о том, чтобы мы познакомились с противником изнутри, хотя и это может пригодиться, если нас выручат.

Разрушители должны познакомиться с нами – вот главная задача. Наши противники должны узнать, чего мы хотим. Одни станут еще враждебней, другие задумаются, третьи начнут колебаться, а некоторые, пусть их вначале будет немного, примкнут к нам: ведь разрушители не только свирепый, но и разумный народ, никто их разума не отрицает... Нет, борьба

с ними не заканчивается с нашим поражением, она продолжается, но в иной форме, без аннигиляторов и взрыва планет. Гибель в бою – легкий путь прекращения борьбы. Я уверен, что нам по плечу и более суровый жребий, я верю в себя, я верю в нас!

– А теперь решайте, – закончил я и закрыл глаза.

Несколько секунд была тишина, потом ее прервал резкий звук. Я открыл глаза. Маленький космонавт порывисто вскочил и, не удержавшись, едва не упал. Он хрипло сказал:

– Пойдемте, Осима, здесь больше нечего делать... Вы не забыли, что нам приказали демонтировать МУМ?

Осима стал медленно приподниматься. Я хотел посоветовать им не торопиться, ведь МУМ еще не объявила коллективного решения, но мне не дал заговорить вопль Петри:

– Смотрите на экран! Смотрите на экран!

Создавалось впечатление, что звездолет попал в фокус взрыва. «Испепелены!» – услышал я потрясенный шепот Ромеро.

В пространстве бушевала световая буря, корабли противника ошалело метались между звезд. Оранжевая расширялась на всю сферу – это было уже не далекое светило, а исполинский космический крейсер.

– Адмирал, разрушители гибнут! – радостно закричал Осима.

– Совместная гибель – наша и противников, дорогой капитан, так вернее, – отозвался Ромеро.

Даже в этот страшный момент он не потерял способности иронизировать. А затем неистовая вспышка озарила полутемный зал, и мы, одновременно все, потеряли сознание.

18

Пришли в себя мы тоже разом.

Командирский зал был ярко освещен, изображения звезд на стереоэкранах погасли. Я приподнял голову, посмотрел на товарищей – все они были живы, потом перевел взгляд на вход в зал. Там стояли три диковинных существа, одно впереди, два чуть сзади.

Они были похожи на людей. Было у них сходство и с захваченным невидимкой, но там выпирала голая конструкция, изготовленная по расчету, эти же были существами: туловище, две ноги, две руки, одна голова – все то же, что у человека, но только не человеческое.

Стоявший впереди проговорил на отличном земном языке:

– Адмирал Эли, прикажи открыть вход в свой корабль. Я – Орлан. Командовать на «Волопасе» буду я.

Осима подскочил к Орлану и сильно толкнул его в грудь.

Рука Осимы свободно прошла сквозь тело разрушителя, словно на этом месте ничего не было.

Часть вторая

Великий разрушитель

*Славьте меня! Я великим не чета.
Я над всем, что сделано, ставлю «nihil»...*

В.Маяковский

*Христос сказал: «Убогие блаженны,
Завиден рок слепцов, калек и нищих,
Я их возьму в надзвёздные селенья,
Я сделаю их рыцарями неба
И назову славнейшими из славных...»
Пусть! Я приму! Но как же те, другие,
Чьей мыслью мы теперь живём и дышим,
Чьи имена звучат нам, как призывы?
Искупят чем они своё величье,
Как им заплатит воля равновесья?
Иль Беатриче стала проституткой,
Глухонемым – великий Вольфганг Гёте
И Байрон – площадным шутом... О ужас!*

Н.Гумилев

1

– Призрак! – закричал Осима. – Адмирал, это фантом!

Он снова ударил кулаком диковинное существо, возникшее у входа, и, охнув от боли, отскочил: на разбитых пальцах выступила кровь. Камагин и Петри, собиравшиеся кинуться вслед за Осимой, медленно опустились в кресла.

Ромеро переглянулся со мной, взгляд его сказал больше, чем любые слова. Я молчал, не двигаясь. В голове у меня молотом била мысль: «МУМ будет захвачена». Я лихорадочно пытался связаться с ней: она не откликалась. Коммуникации, вероятно, были повреждены. Но звездолет был цел, входы в него задраены, сами мы живы – очевидно, и МУМ оставалась невредимой. Ужас в глазах Ромеро показывал, что и он понимал непоправимость случившегося. В плен попадали не одни наши маленькие жизни, но и сокровеннейшие секреты человечества.

Никогда я так отчаянно не напрягал свой мозг в поисках хотя выхода, и никогда еще не были так пусты мои мозговые извилины!

– Откройте входы, или мы вас уничтожим, – повторил Орлан.

– Вас не задержали закрытые входы, – сказал я.

– Меня – нет, но мои солдаты не могут проникать сквозь вещественные барьеры.

Я повернулся к Камагину.

– Эдуард, хоть и без сражения, но мы еще можем погибнуть, как вы нас призывали. – Я с ненавистью посмотрел на Орлана. – Убирайтесь и можете уничтожить звездолет.

Ни один из разрушителей не пошевелился. Заговорил Ромеро:

– Ваш приказ не может быть выполнен, завоеватель, уже по одному тому, что мы утратили командование механизмами корабля. Восстановите нашу связь с аппаратами.

– Чтобы вы попытались взорвать корабль? – В голосе разрушителя зазвучала вполне человеческая ирония. – Ваши аннигиляторы блокированы нашими полями.

– Тогда чего вам бояться? Другого пути открыть входы не существует – для нас, по крайней мере.

– Хорошо. Через три минуты по вашему счету обретете утраченную связь.

Я взглядом попросил у друзей совета, забыв, что при пропаже связи с МУМ могу прибегнуть к помощи наручного дешифратора, последнего творения Андре.

Мои помощники раньше обрели ясность сознания. Я расслышал внутренний, одними мыслями, шепот Осимы: «Адмирал, я помню ваш приказ о МУМ!» И сейчас же во мне зазвучал голос Камагина: «Будьте покойны, Эли, мы с Осимой постараемся!»

Связь с МУМ восстанавливалась медленно, МУМ словно просыпалась – не сбросив полностью дремоты, делала первые неуверенные шаги в яви.

И когда я почувствовал что порванные было связи с мозгом корабля восстановлены, я судорожно, одной резкой мыслью, попытался связаться с аннигиляторами, но ничего не вышло: аннигиляторы были прочно блокированы. Я не сомневался, что такие же попытки совершили мои друзья: у Камагина вдруг вырвался стон, Петри чертыхнулся.

– Почему так долго? – спросил Орлан.

– Плохое соединение, – ответил я.

У Осимы было сонное лицо, Камагин раскрыл рот от напряжения, глаза его, вдруг ослепшие, полубезумные, установились в какую-то точку на экране. «Хорошо!» – подумал я с надеждой.

Из миллиардов возможных сочетаний элементов, составляющих МУМ, только одно делало ее работоспособной— теперь сама МУМ, под диктовку Осимы и Камагина, создавала схему своей перекомпоновки. Когда кто-то из них скажет: «Все. Действуй», – эта единственная комбинация будет заменена другой, случайной, бессмысленной, одним из многих миллиардов бессмысленных сочетаний.

– Все! – воскликнул Осима, энергично поворачиваясь в кресле.

– Все! – эхом откликнулся Камагин и радостно вскочил.

Я испытал болезненный удар, по нервам промчался электрический разряд. Прежней разумной МУМ, хранильницы знаний человечества, больше не существовало.

– Адмирал! – торжественно проговорил Осима. – Приказ выполнен.

– Петри, откройте вход, – распорядился я. – Ручное управление помните?

– Справлюсь, – проворчал Петри, направляясь к двери. – Призраки, пойдет кто-нибудь за мной? – Разрушители стояли неподвижно.

Ромеро в восторге хлопнул себя ладонями по коленям. За нашу многолетнюю дружбу я не помнил у него такой несдержанности.

– Как дурачков! – лепетал он. – Нет, как дурачков!..

– Радости мало, Павел! – возразил я печально. – Плен остается, звездолет захвачен. Да и нет комбинации, которую нельзя было бы восстановить...

– Дорогой Эли, теоретически возможное на практике чаще всего неисполнимо. Древний мыслитель Руссо говорил: «Случайно могут выпадать любые комбинации, это бесспорно, но если мне скажут, что типографский шрифт, рассыпанный по улице, сложился при падении в “Энеиду”, я и ногой не пошевелю, чтобы пойти проверить». Я думаю, этого мыслителя можно взять в качестве примера для подражания.

– Валом валят, твари, – сумрачно сказал возвратившийся Петри.

Разрушители потеснились, словно пропуская кого-то в командирский зал, однако новых фигур не появилось. Вместе с тем я явственно ощущал, что свободного пространства стало меньше.

– Невидимки! – предупреждающее сказал Ромеро.

До нас донесся бесстрастный голос Орлана:

– Вам разрешается идти к своим товарищам.

2

Ромеро направился в парк, мы четверо шли за ним. Головоглазы стогнали людей. Бронированные опухли с перископами вместо голов неуклюже шествовали от причальной площади, захватывая одно помещение за другим. На площадке стояли легкие корабли, похожие на наши планетолеты, из люков сыпались все новые головоглазы.

– Настройте дешифраторы! – посоветовал Ромеро и, когда мы проверили свои наручные ДН-2, продолжал уже одной мыслью: «Если у невидимок и нет тела, то уши, вероятно, имеются, а разобраться в индивидуальных излучениях им будет непросто».

И каждому, кого встречал, он говорил: «Настройте дешифратор».

В аллеях парка было полно народу. Я сел на скамью с Мери и Астром, с другой стороны поместился Ромеро.

В парке по земному графику шла осень, в деревьях шумел несильный ветер, на людей сыпались желтеющие листья.

– Нас будут убивать, отец? – Астр пристально смотрел на меня.

Я с усилием усмехнулся и отвел глаза.

– Зачем? Разрушителям наши жизни сейчас нужнее, чем нам.

Астр нахмурился, размышляя. Над толпой появился Труб с Лусином на спине. Ангел приземлился около нашей скамейки, и Лусин соскочил на грунт. Перья на крыльях ангела топорщились. Он поглядел на меня как на изменника.

– Вы же люди, Эли! – В его голосе громыхали металлические раскаты. – Покориться без сопротивления!.. Эли, ангелы в плен не сдаются, нет, Эли!

– Все, что я мог сказать, я уже сказал через МУМ, – ответил я. – Рассматривайте себя не как пленников, а как передовой отряд внутри вражеского лагеря.

– Мы-то можем себя так рассматривать, но согласятся ли наши враги видеть в нас не жертв их произвола, а действующий вражеский отряд, – возразил Лусин, и я поразился, до чего же ясно он может говорить через дешифратор.

Со временем я привык, что косноязычный Лусин становится красноречивым, если ограничивается мыслями. Сейчас, когда мы встречаемся с ним на Земле, мы надеваем дешифраторы, словно по-прежнему в дальних странствиях: одними мыслями нам объясняться легче.

– Поживем – увидим, – сказал Ромеро. Мери молча прижималась ко мне плечом. Лусин, печальный, тихо разговаривал с Павлом, Астр и Труб присоединились к кучке, обступившей Камагина.

Листья падали все гуще, и я вспомнил тот осенний день на недостижимо далекой Земле, когда на аллее Зеленого проспекта повстречал Мери. Сейчас она была рядом, измученная, терпеливая, бесконечно близкая, тесно прижавшаяся ко мне, а я с нежностью думал о той, холодной, отстраненной, презрительно отвечавшей на мои вопросы...

– Не надо! – умоляюще прошептала Мери: дешифратор передал ей мои мысли.

– Не надо, конечно! – повторил я со вздохом и увидел Орлана, его сопровождали все те же два призрачных разрушителя.

Впоследствии мы разглядели, что они не призрачны, а только очень уж нечеловечны.

Непохожесть на людей становилась заметней, когда разрушители двигались – неподвижных, особенно издали, легко было спутать с человеком. Но движение выдавало их: они не шагали, а, скорее, порхали, не сгибали колени при ходьбе, а выбрасывали вперед, как костыли, то одну, то другую прямую ногу. И при этом у них изгибалось все тело – как у древних спортсменов, которые занимались спортивной ходьбой. Зато и передвигались они много быстрее нас.

Еще меньше человеческого было в их лицах. Нет, у них были и глаза – тоже два, – и рот, и подбородок, но вместо носа зияло круглое отверстие, прикрытое клапаном, похожим на хобот, – при дыхании клапан то вздымался, то опадал. «Шевелят носами», – сказал Ромеро.

Лица их светились в зависимости от настроения, то разгорались, то гасли, были то белыми, то желтыми, то синими. Изменение цвета не было похоже на удивительный язык вегетителей, скорее – они просто краснели и бледнели, как люди, только это было усилено до зловещести.

Орлан поднял голову – именно поднял: шея вдруг вытянулась, и голова пошла вверх – сантиметров на тридцать. Потом мы узнали, что разрушители так здороваются: они учтиво вздымают головы, как наши предки поднимали шляпы.

– Ни один из ходовых механизмов корабля не действует. Что вы сделали с ними? – спросил Орлан.

– Виноваты в этом вы, ведь вы их заблокировали, – сказал я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.